

В. М. ГЕССЕНЪ.

О ЗНАЧЕНИИ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

219407 Мем. кр.

Изъ Журнала Министерства Юстиции
(Мартъ 1900 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1900.

Печатано съ разрѣшеніа Министра Юстиціи.

О ЗНАЧЕНИИ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

В. М. Гессена.

I.

Началомъ конференціи, какъ извѣстно, явилась мысль о пріостановкѣ и сокращеніи вооруженій. Только объ этомъ говоритъ знаменитая декларація 12 августа 1898 г. *Возможное сокращеніе* тяготящихся надъ всеѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій является, по ея словамъ, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны стремиться усилія всеѣхъ правительствъ.

Но мѣрѣ приближенія идеи о созывѣ конференціи къ осуществленію сложность и трудность предпоставленной ей задачи становятся все болѣе и болѣе очевидными.

Циркулярное сообщеніе 30 декабря 1898 г., попрежнему, выдвигаетъ идею о пріостановкѣ вооруженій на первый планъ; но рядомъ съ нею оно упоминаетъ и о другихъ не менѣе важныхъ задачахъ конференціи, — о примѣненіи къ морскимъ войнамъ постановленія женевской конвенціи 1864 г. на основаніи дополнительныхъ къ ней постановленій 1868 г., о нерасмотрѣннѣй нератификованной брусельской деклараціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны 1874 г., о соглашеніи по вопросамъ о примѣненіи добрыхъ услугъ, посредничества и третейскаго суда.

Кромѣ того, поставленный 12 августа вопросъ о *сокращеніи* военныхъ бюджетовъ и вооруженныхъ силъ значительно

суживается. Конференціи предлагается установить соглашеніе, опредѣляющее на известный срокъ сохраненіе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и военныхъ бюджетовъ, и только приступить къ предварительному изученію средствъ, при помощи коихъ могло бы въ будущемъ осуществиться даже сокращеніе означенныхъ силъ и бюджетовъ.

Къ началу конференціи выясняется маловѣроятность соглашенія хотя-бы о приостановкѣ вооруженій.

Вступительная рѣчь предсѣдателя конференціи, перваго делегата Россіи, прямо и открыто переноситъ центръ тяжести предстоящихъ конференціи занятій съ вопроса о приостановкѣ вооруженій на вопросъ объ изысканіи путей и средствъ къ предупрежденію международныхъ столкновеній. „Мы стремимся, *въ особенности* (d'une façon toute spéciale),—говорится въ рѣчи—къ обобщенію и кодификаціи существующей практики третейскаго суда, посредничества и добрыхъ услугъ. Это составляетъ, такъ сказать, самое существо нашей задачи; наиболѣе общая цѣль нашихъ усилій: предупрежденіе путемъ миролюбивыхъ средствъ вооруженныхъ конфликтовъ“.

Упомянувъ затѣмъ о гуманизациі войны, президентъ останавливается, въ заключеніе, „на другихъ вопросахъ чрезвычайной серьезности и важности, примыкающихъ равнымъ образомъ къ идеѣ о поддержаніи мира“, а именно, на вопросахъ объ остановкѣ возрастающихъ вооруженій.

Объ остановкѣ вооруженій говорится, такимъ образомъ, съ крайней осторожностью и на послѣднемъ мѣстѣ.

Не требовалось пророческаго дара, чтобы, еще до созыва конференціи, предсказать полную неудачу ея попытки остановить безпредѣльно прогрессирующій ростъ вооруженій ¹⁾. Современный милитаризмъ отнюдь не является самостоятельной болѣзью, доступной непосредственному леченію; наоборотъ, онъ не что иное, какъ внѣшній симптомъ другой, болѣе серьезной внутренней болѣзни,—болѣзни, подтачивающей

---

¹⁾ См. мою брошюру: „О вѣчномъ мирѣ“, стр. 41 и сл. (оттискъ изъ Жур. Мин. Юст. Апрель 1899 г.).

организмъ современныхъ европейскихъ обществъ. Милитаризмъ необходимъ до тѣхъ поръ, пока возможна война.

Симптоматическое леченіе никогда радикальнаго значенія не имѣетъ: сыпь, удаленная съ одного мѣста, появляется на другомъ. Конечно, не слѣдуетъ отсюда выводить, что всякое симптоматическое леченіе излишне. И палліативы приносятъ несомнѣнную пользу: они облегчаютъ, утоляютъ боль.

Такимъ палліативомъ должны были явиться русскія предложенія, поскольку они касались вооруженнаго мира. Ихъ отличительное свойство—крайняя осторожность. Они предлагаются „въ видѣ опыта“, „на короткій срокъ“, „какъ возможный минимумъ“; для того, чтобы облегчить ихъ принятіе, указывается на полную ихъ безопасность для правительствъ; краткосрочное обязательство никого не стѣснить: въ теченіе 3-4-5 лѣтъ правительства, и безъ всякихъ соглашеній, врядъ ли нашли бы возможнымъ предпринять какія-либо существенныя измѣненія въ вооруженіяхъ; необходимо сдѣлать хоть „что-нибудь“ для того, чтобы предупредить разочарованіе народовъ.

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что даже въ случаѣ принятія конференціей предложеній, о которыхъ идетъ рѣчь,—для облегченія финансовыхъ тягостей, въ корнѣ расширяющихся общественное благосостояніе, сдѣлано было бы мало.

Какъ извѣстно, конференціи предложено было установить: во-1-хъ, запрещеніе, частью безусловное, частью на опредѣленный срокъ, вводить въ употребленіе новое огнестрѣльное оружіе, т. е. новый типъ пушекъ и ружей, новыя взрывчатыя вещества; запрещеніе строить подводныя миноносныя лодки и военныя суда съ таранами; запрещеніе пользоваться пулями, расширяющимися въ тѣлѣ раненаго (такъ называемыми, пулями думъ-думъ), снарядами, бросаемыми съ воздушныхъ шаровъ, разрывными снарядами, распространяющими удушающій и смертоносный газъ;

во-2-хъ, соглашеніе, опредѣляющее на извѣстный срокъ—на 5 лѣтъ для войска и на 3 года для флота—сохраненіе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и военныхъ бюджетовъ.

Необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ предложеній, какъ, напр., касающіяся пуль „думъ-думъ“, снарядовъ, бросаемыхъ съ воздушныхъ шаровъ или распростра-няющихъ удупающій газъ, никакого отношенія къ основной проблемѣ конференціи,—къ облегченію фипансоваго бремени вооруженнаго мира,—очевидно, неимѣютъ. Ихъ цѣль—исключительно гуманитарная; о нихъ мы упомянемъ ниже.

Что касается предложеній, направленныхъ прямо или косвенно къ стабилизациі военныхъ бюджетовъ, то ни одно изъ нихъ не было принято конференціей.

Отчасти это объясняется тѣми оговорками, которыми пришлось обставить военные проекты, предложенные конференціи. Эти оговорки, имѣвшія своею цѣлью обезпечить успѣхъ проектовъ, въ дѣйствительности, весьма и весьма затруднили ихъ осуществленіе.

Пояснимъ сказанное примѣрами.

Предлагая воспретить на определенное число лѣтъ измѣненіе существующихъ типовъ огнестрѣльнаго оружія, русскій и голландскій проекты считаютъ, однако, необходимымъ допустить *частичное усовершенствованіе и улучшеніе* ружья и пушки: воспрещается замѣна существующаго типа ружья новымъ типомъ; но, въ предѣлахъ существующаго типа, *всякое улучшеніе и всякое усовершенствованіе* признаются дозволенными. Въ такомъ случаѣ, естественно и необходимо возникаетъ вопросъ: какія именно улучшенія и усовершенствованія оружія слѣдуетъ признать измѣняющими его типъ и какія, наоборотъ, не выходящими за предѣлы существующаго типа? Какія измѣненія оружія воспрещены и какія дозволены? Гдѣ та высшая инстанція, которая въ сомнительныхъ случаяхъ могла бы разрѣшить этотъ вопросъ? И, наконецъ, развѣ рядъ частичныхъ улучшеній въ ружьѣ или пушкѣ не можетъ привести, въ концѣ концовъ, къ измѣненію ихъ типа?

Другой примѣръ.

Предлагая воспретить измѣненіе существующаго типа огнестрѣльнаго оружія, всѣ, безъ исключенія, обсуждавшіеся конференціей проекты считали, однако, необходимымъ выгово-

рять для плохо вооруженных государств право замѣнить настоящее ихъ вооруженіе повымъ вооруженіемъ, наиболѣе совершеннаго изъ нынѣ существующихъ типовъ. Если относительно ружья подобная оговорка существеннаго значенія не имѣла, ибо въ настоящее время все европейскія государства пользуются ружьями почти одинаковаго типа, то относительно пушки она означала—по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ государствъ, между прочимъ и для Россіи—предоставленіе права на полное перевооруженіе своей артиллеріи.

Само собою разумѣется, что подобная оговорка является прямымъ отрицаніемъ самаго принципа пріостановки вооруженій, т. е. закрѣпленія на определенное число лѣтъ существующаго *status quo*. Нарушая установившееся соотношеніе между военными силами различныхъ государствъ, она не могла быть принята тѣми изъ нихъ, которыя опередили другихъ въ дѣлѣ развитія артиллерійской техники.

Наконецъ, еще одинъ, послѣдній примѣръ.

Основной пунктъ проекта о пріостановкѣ вооруженій, какъ извѣстно, предлагаетъ заключить соглашеніе о неувеличеніи наличнаго состава сухопутныхъ войскъ въ теченіе определеннаго числа лѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ предлагаетъ распространить такое соглашеніе исключительно на войска метрополіи, оставляя за правительствомъ полную свободу въ увеличеніи колониальныхъ войскъ; при этомъ къ числу колоній имъ, между прочимъ, относятся и азіатскія владѣнія Россіи.

Если принять во вниманіе значительную близость нѣкоторыхъ колоній отъ метрополіи, хотя-бы, напр., Алжира отъ Франціи, то нетрудно понять, что подобная оговорка, предоставляющая нѣкоторымъ государствамъ удобную возможность обойти стѣнителныя для нихъ постановленія проектируемой конвенціи, не могла быть принята другими государствами, вовсе не имѣющими колоній, или имѣющими ихъ далеко по ту сторону океана.

Приведенныхъ примѣровъ болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы доказать, что самая постановка предложенныхъ конференціи вопросовъ мало способствовала успѣшному ихъ разрѣ-

пенію. Необходимо, однако, замѣтить, что важнѣйшей, рѣшающей причиною полной неудачи проектовъ о пріостановкѣ вооруженій на конференціи явилась, конечно, не та или иная—болѣе или менѣе удачная ихъ формулировка: эта формулировка могла бы быть измѣнена самой конференціей. Такая причина заключалась, главнымъ образомъ, въ предвзятомъ мнѣніи нѣкоторыхъ правительствъ, въ *предрѣшенномъ* ихъ нежеланіи сдѣлать хотя-бы одинъ шагъ впередъ по тому пути, который имъ былъ указанъ Россіей.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на мотивы, заставившія конференцію признать невозможнымъ положительное и немедленное соглашеніе по вопросу о наличномъ составѣ вооруженныхъ силъ.

Технической комитетъ, единогласно отвергши предложенный конференціи проектъ о неувеличеніи въ теченіе 5 лѣтъ числа находящихся подъ ружьемъ солдатъ, разсуждалъ слѣдующимъ образомъ:

1) Весьма затруднительно опредѣлить, хотя-бы и на пятилѣтній срокъ, наличный составъ войска, не опредѣливъ въ то же время другихъ элементовъ національной обороны (напримѣръ, степени народнаго образованія, продолжительности дѣйствительной службы, числа крѣпостей, устройства желѣзнодорожной сѣти и т. п.).

2) Не менѣе затруднительно опредѣлить путемъ международнаго соглашенія элементы этой обороны, организованные въ каждой странѣ на совершенно различныхъ началахъ.

Отсюда выводъ: комитетъ, въ сожалѣнію, не можетъ одобрить предложеннаго на его обсужденіе проекта.

Нельзя не замѣтить, что приведенные аргументы, по своему неопредѣленному и чрезмѣрно общему характеру, одинаково пригодны для отклоненія какъ предложеннаго конференціи проекта, такъ равно и всякаго другаго проекта, касающагося пріостановки вооруженій.

Если, для разрѣшенія вопроса о вооруженіяхъ, необходимо предварительно разрѣшить вопросы о народномъ образованіи, о сѣти желѣзныхъ дорогъ и т. п., то, разумѣется, прі-

остановка вооруженій должна быть признана разъ навсегда неосуществимой.

Всѣ, вообще, институты и явленія соціальной жизни тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ, находятся въ постоянномъ взаимодействіи между собой. Съ другой стороны, всякая реформа всегда и по необходимости ограничена, касается *опредѣленнаго* института или *опредѣленнаго* явленія соціальной жизни. Конференція, въ данномъ случаѣ, прибѣгла къ излюбленному аргументу консерватизма, „къ раскрытію взаимодействій“—къ аргументу, который, по существу, является прямымъ отрицаніемъ всякой, вообще, реформы въ области соціальной жизни.

Тотъ, кто внимательно слѣдилъ за ходомъ занятій конференціи, тотъ не могъ не вынести вмѣстѣ съ нами того убѣжденія, что вопросъ о пріостановкѣ вооруженій былъ *предрѣшенъ* въ отрицательномъ смыслѣ правительствами. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда соглашеніе, повидимому, оказывалось возможнымъ, какъ, на примѣръ, въ вопросахъ о неизмѣненіи типовъ ружья и морской артиллеріи, о неувеличеніи военно-морскихъ бюджетовъ и т. п.,—неодолимымъ препятствіемъ къ установленію какихъ бы то ни было соглашеній являлось традиціонное зло конференцій вообще— „отсутствіе подлежащихъ инструкцій“. Въ своемъ докладѣ конференціи первая (военная) коммисія прямо указываетъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ не могло состояться соглашенія, прежде всего, потому, что оказалось невозможнымъ получить до окончанія конференціи инструкціи, достаточно точныя для того, чтобы можно было принять рѣшенія, имѣющія практической интересъ. Само собою разумѣется, что причину неполученія „достаточно точныхъ инструкцій“ угадать не трудно.

Вообще, знакомство съ опубликованными недавно въ англійскомъ „blue-book“ официальными актами конференціи, не дающими, впрочемъ, сколько-нибудь полной картины ея занятій, неопровержимо доказываетъ то отсутствіе „доброй воли“, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ правительствъ, которое является главной, если не единственной, причиной пол-

паго крушенія попытокъ, направленныхъ къ пріостановкѣ вооруженій. Такъ, напр., во время преній по вопросу о неувеличеніи палчнаго состава войскъ, представителемъ одной изъ великихъ державъ,—той самой, въ которой соціаль-демократія въ наши дни сдѣлала наибольшіе успѣхи,—прямо и откровенно высказана была мысль, что непрерывный ростъ военныхъ бюджетовъ не только не влечетъ за собою—по крайней мѣрѣ въ его отечествѣ—истощенія народныхъ силъ, но, наоборотъ, способствуетъ развитію частнаго и публичнаго богатства, поднятію всеобщаго благосостоянія, всеобщаго *standart of life*.

Отвергнувъ все, безъ исключенія, проекты, направленные къ пріостановкѣ вооруженій, конференція сочла, однако, необходимымъ реабилитировать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы торжественнымъ признаніемъ основной и руководящей мысли русской деклараціи 12 августа; съ этою цѣлью конференціей единогласно принята и внесена въ окончательный протоколъ нижеслѣдующая резолюція:

„Конференція полагаетъ, что облегченіе военнаго бремени, тяготящаго въ настоящее время надъ міромъ, представляется въ высшей степени желательнымъ, въ видахъ увеличенія матеріальнаго и моральнаго благосостоянія человѣчества“.

Конференція не озаботилась, однако, указать на будущее время тѣ пути и средства, которыя могли бы върѣше, по ея мнѣнію, привести къ предпоставленной ей цѣли. Впрочемъ, внимательный анализъ заключительнаго акта конференціи уясняетъ отчасти истинное ея отношеніе къ разсматриваемому вопросу.

Констатировавъ положительные результаты, добытые конференціею, заключительный актъ перечисляетъ рядъ выраженныхъ ею *пожеланій* (*voeux*). Эти пожеланія могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ.

Во-1-хъ, конференція рекомендуетъ созывъ *новой* конференціи для разрѣшенія многихъ вопросовъ междунарѣднаго права, не получившихъ окончательнаго разрѣшенія по той или иной причинѣ въ Гаагѣ, а именно, вопросовъ о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ, о пересмотрѣ женевской конвенціи 1864 г., о неприкосновенности частной соб-

ственности во время морской войны, о бомбардированіи съ моря неукрѣпленныхъ мѣсть.

Во-2-хъ, конференція желаетъ, чтобы державы занялись болѣе тщательнымъ и всестороннимъ изученіемъ вопросовъ о неизмѣненіи типа ружья и морской артиллеріи, объ ограниченіи сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и военныхъ бюджетовъ.

Такимъ образомъ, признавая цѣлесообразнымъ созывъ новой конференціи для разсмотрѣнія вопросовъ международнаго права, гаагская конференція въ отношеніи къ вопросамъ специально военнымъ ограничивается платоническимъ пожеланіемъ дальнѣйшаго ихъ изученія стараніями отдѣльныхъ правительствъ. Очевидно, по ея мнѣнію, вопросъ о вооруженіяхъ путемъ созыва новой конференціи разрѣшенъ быть не можетъ.

Этотъ отрицательный результатъ весьма краснорѣчивъ во многихъ отношеніяхъ. Не указывая ли онъ, между прочимъ, а *contra*, единственно возможный путь, дѣйствительно ведущій къ пріостановкѣ вооруженій.

Огромные размѣры современныхъ вооруженій, какъ извѣстно, создаются политикой „дурнаго примѣра“. Стоитъ одному государству увеличить свои военныя силы, его примѣру необходимо слѣдуютъ другія. Но, въ такомъ случаѣ, пріостановка, а затѣмъ и постепенное сокращеніе современныхъ вооруженій не могутъ ли быть, наоборотъ, осуществлены политикой „хорошаго примѣра“,—истинно-миролюбивой политикой отдѣльныхъ государствъ?

Конечно, ни одно государство не можетъ остановить своихъ вооруженій, пока съ головы до ногъ вооружаются другія. Но если бы одна великая держава, а тѣмъ болѣе двѣ или три, по взаимному соглашенію—заявили во всеулышаніе, что онѣ не станутъ увеличивать своихъ военныхъ бюджетовъ, или умножать наличнаго состава своихъ войскъ, до тѣхъ поръ, пока не станутъ этого дѣлать другія, то, несомнѣнно, такое заявленіе могло бы оказать огромное вліяніе на военную политику всѣхъ вообще великихъ державъ. Оно обнаружило бы предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы

истинныхъ виновниковъ непрерывнаго возрастанія вооруженій; оно лишило бы правительства, зараженныя духомъ милитаризма, удобнаго предлога для истребованія у парламентовъ все новыхъ и новыхъ кредитовъ на военныя надобности. Нельзя было бы подозрительно кивать на соеѣдей и оправдывать новыя требованія необходимостью ихъ предупредить и опередить. Какъ извѣстно, въ настоящее время великія европейскія державы распадаются на два, другъ друга уравновѣшивающихъ, равносильныхъ политическихъ союза; и тройственный, и двойственный союзы при всякомъ удобномъ случаѣ единственной цѣлью своего существованія объявляютъ охраненіе и поддержаніе международнаго мира. Но, въ такомъ случаѣ, почему бы одному изъ нихъ не взять на себя инициативу въ дѣлѣ пріостановки вооруженій, въ дѣлѣ огромнаго общенароднаго интереса. Такая инициатива не была бы безплодной; во всякомъ случаѣ, она оказала бы человѣчеству большую и хорошую службу.

Одинъ изъ ораторовъ минувшей конференціи картинно сравнилъ современные народы съ альпійскими путешественниками, привязанными другъ къ другу одною веревкой. Вспомнимъ, что достаточно остановиться и удержаться надъ зіяющей бездной одному или нѣсколькимъ путешественникамъ для того, чтобы тѣмъ самымъ спасти всѣхъ остальныхъ отъ неминуемой гибели.

II.

Какъ бы то ни было, необходимо признать, что по вопросу о пріостановкѣ вооруженій гаагская конференція ни къ какому положительному результату не пришла.

Если бы этотъ вопросъ явился единственнымъ предметомъ занятій, мы были бы въ правѣ назвать ее безрезультатной.

Къ счастью, русскій циркуляръ 30 декабря, послужившій, какъ оказалось впоследствии, исчерпывающей программой конференціи ¹⁾, наряду съ военными проектами предпостав-

---

¹⁾ Всѣ вопросы, затронутые въ немъ, подвергнуты были конференціей тщательному обсужденію; другіе, поднятые на конференціи вопросы, какъ напр.,

вилъ конференціи другія, не менѣ важныя задачи, осуществленныя ею въ полной мѣрѣ. Заключительный актъ конференціи даетъ перечень международныхъ соглашеній, выработанныхъ и принятыхъ конференціей.

Такихъ соглашеній шесть.

Во-первыхъ, три конвенціи: о миролюбивомъ разрѣшеніи международныхъ конфликтовъ; о законахъ и обычаяхъ сухопутныхъ войнъ; о примѣненіи въ морской войнѣ началъ женеvской конвенціи 22 августа 1864 г.

Во-вторыхъ, три деклараціи: о неупотребленіи разрывныхъ и иныхъ снарядовъ, бросаемыхъ съ воздушныхъ шаровъ или другими аналогичными новыми способами; о неупотребленіи снарядовъ, имѣющихъ единственною цѣлью распространеніе удушающихъ и смертоносныхъ газовъ; о неупотребленіи пуль, расширяющихся или расплюсчивающихся въ человѣческомъ тѣлѣ (пуль думъ-думъ).

Сколько-нибудь обстоятельный, критическій разборъ богатаго и разносторонняго содержанія перечисленныхъ дипломатическихъ актовъ, выработанныхъ конференціей мира, подъ силу не журнальной статьѣ, а специальной монографической работѣ. Моя задача скромнѣе: я имѣю въ виду охарактеризовать, разумеется, въ общихъ чертахъ, все—по истинѣ, огромное—теоретическое и практическое значеніе свершеннаго конференціей дѣла, выслнить тѣ принципы, къ осуществленію которыхъ конференція стремилась и осуществленіе которыхъ составляетъ ея важнѣйшую заслугу. Для этой цѣли я считаю необходимымъ, прежде всего, остановиться на слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Гаагская конференція фактомъ своего созыва обязапа, конечно, инициативѣ Россіи; но международныя соглашения, къ которымъ пришла конференція, отнюдь не являются результатомъ счастливаго случая, минутнаго увлеченія абстрактной идеей. Дѣло конференціи имѣетъ свою исторію; она

о пересмотрѣ женеvской конвенціи 1864 года, о неприкосновенности частной собственности на морѣ, сняты были съ очереди, именно, потому, что они не были предусмотрѣны „Муравьевскимъ циркуляромъ“.

достигла результатовъ, къ которымъ давно уже неустанно и упорно стремится человѣчество. Предупрежденіе войны, смягченіе ужасовъ и бѣдствій ея,—эти проблемы съ незапамятныхъ временъ занимаютъ и волнуютъ политическую мысль цивилизованныхъ народовъ. Если мы примемъ во вниманіе, какъ много усилій уже затрачено ею на попытки, по большей части безплодныя, къ ихъ разрѣшенію; если мы уяснимъ себѣ, какъ труденъ и медленъ прогрессъ въ области международной жизни,—значительность достигнутыхъ конференціей результатовъ а ргіогі станетъ для насъ очевидной.

Мысль о кодификаціи законовъ и обычаевъ сухопутной войны, навѣянная печальными событіями 70-го года, предложена была въ 1874 г. Императоромъ Александромъ II на обсужденіе собравшейся въ Брюссель конференціи европейскихъ державъ. Конференціи этой, однако, не удалось прийти къ положительнымъ результатамъ: какъ констатируетъ заключительный ея актъ, составленный на конференціи „проектъ международной деклараціи, касающейся законовъ и обычаевъ войны“, является лишь добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ (*une enquête consciencieuse*), могущимъ послужить основаніемъ къ дальнѣйшему обмѣну мыслей и къ развитію постановленій женеvской конвенціи 1864 г. и петербургской деклараціи 1868 г. Конференція предоставила усмотрѣнію отдѣльныхъ правительствъ опредѣлить, что въ трудѣ, ею совершенномъ, можетъ явиться предметомъ международнаго соглашенія и что нуждается въ болѣе серьезномъ изученіи. Успѣху брюссельской конференціи, въ равной мѣрѣ, помѣшали какъ тяжелыя воспоминанія о войнѣ только-что окончившейся, такъ точно мрачныя предчувствія новыхъ политическихъ осложненій, тайныя оженданія новой войны. Политическія страсти, еще не успѣвшія улечься, разгорались уже опять съ удвоенной силой.

Протоколы брюссельской конференціи отражаютъ на каждой страницѣ своей тотъ духъ взаимнаго недовѣрія и вражды, которымъ проникнуты были ея участники. Связанные по рукамъ и ногамъ инструкціями представители державъ подозрительно слѣдили другъ за другомъ, усматривая въ каж-

домъ словѣ, сказанномъ на конференціи, тайный умыселъ („интриги Бисмарка“, „восточная политика Россіи“), въ каждомъ рѣшеніи конференціи тайную опасность.

Разительный контрастъ съ протоколами брюссельской конференціи представляютъ въ этомъ отношеніи протоколы конференціи мира. Сравненіе ихъ другъ съ другомъ наглядно доказываетъ, въ какой степени за послѣднія 25 лѣтъ, со времени брюссельской конференціи, возросла солидарность между государствами, взаимное ихъ довѣріе другъ къ другу, сознаніе общности международныхъ интересовъ, сознаніе необходимости совмѣстной культурной работы надъ развитіемъ и усовершенствованіемъ содержанія и формы международной жизни. Гагская конференція была конференціей мира не только по цѣли, но и по характеру своихъ занятій, по тому духу, который господствовалъ въ многочисленномъ собраніи представителей 26 европейскихъ государствъ.

Что бы ни говорили дальновидные политики, любящіе пугать воображеніе народовъ ложными призраками несуществующихъ опасностей, внимательное сравненіе гагской конференціи съ брюссельской не можетъ не привести, а contra, къ тому утѣшительному убѣжденію, что европейская война, война между великими державами—по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ—не угрожаетъ европейскому миру.

Неудача Брюссельской конференціи не дискредитировала руководящей мысли, положенной въ ея основаніе. Въ 1875 г., по инициативѣ проф. Блунчли, Институтъ международного права—международное ученое общество, состоящее изъ наиболѣе выдающихся представителей науки международного права—въ гагской сессіи присоединился въ рядъ резолюцій къ основнымъ началамъ брюссельскаго проекта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ пожеланіе, чтобы законы и обычаи войны были регламентированы путемъ конвенціи, или вообще какого бы то ни было соглашенія между цивилизованными государствами. Это пожеланіе было повторено институтомъ въ 1877 г., во время русско-турецкой войны доказавшей множествомъ безчеловѣчныхъ и ненужныхъ жесто-

костей безусловную необходимость кодификации и позитивации права войны.

Наконецъ, въ 1880 г. въ оксфордской сессіи институтъ единогласно принялъ выработанный особой комиссіей кодексъ законовъ сухопутной войны, сообщенный отдѣльнымъ правительствамъ и предназначенный служить „основаніемъ для національнаго законодательства, соответствующаго, равнымъ образомъ, прогрессу юридической науки и потребностямъ цивилизованныхъ армій“ ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ мысль о необходимости кодификации права войны неустанно разрабатывается, неуставно пропагандируется наукой международного права. Возникаютъ общества для распространения идей о необходимости кодификации международного права вообще и права войны въ особенности ²⁾. Кодексъ, выработанный институтомъ, переводится на множество европейскихъ языковъ, на испанскій, итальянскій, датскій, венгерскій, англійскій, русскій, польскій и др.; отдѣльныя государства издаютъ регламенты для своихъ армій, составленные въ духѣ бриссельскаго и оксфордскаго проектовъ ³⁾. Однимъ словомъ, все доказываетъ, что гагская конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны подготавливалась въ теченіе долгаго времени рядомъ историческихъ antecedentовъ и, такимъ образомъ, явилась завершеніемъ—конечно временнымъ—историческаго процесса, реализацией—конечно частичной—давно возникшей и медленно назрѣвавшей идеи.

То же можно сказать и о конвенціи, распространяющей на морскія войны начала женевской конвенціи 1864 г.

Уже первоначальный проектъ, выработанный женевскимъ международнымъ комитетомъ и положенный женевской конференціей 1864 г. въ основаніе своихъ работъ, выражаетъ

---

¹⁾ Ernest Lehr—Tableau général de l'Institut de droit intern. (1873—1892), passim.

²⁾ Напр., Association pour la réforme et la codification de droit international

³⁾ Русскій указъ 1877 г.; французское официальное руководство по международному праву для офицеровъ сухопутной армии 1878 г.; сербскій регламентъ 1877 г.; итальянскій 1882 года и др.

въ ст. 11 пожеланіе, чтобы постановленія, аналогичныя предшествовавшимъ (т. е. касающимся сухопутной войны), составили предметъ позднѣйшаго соглашенія между державами, заинтересованными въ дѣлѣ морской войны. Хотя статья эта, какъ не предусмотрѣнная программой конференціи, и не была включена въ окончательный текстъ договора, однако, по существу, никакихъ возраженій со стороны делегатовъ отдѣльныхъ правительствъ она не вызвала; наоборотъ, она послужила, такъ сказать, отправнымъ пунктомъ того движенія къ распространенію дѣятельности Краснаго Креста на морскую войну, которое, годъ отъ году усиливаясь, достигло, наконецъ, цѣли на конференціи мира.

Событія 1866 г.—между прочимъ, морское сраженіе между австрійскимъ и итальянскимъ флотомъ при Лиссѣ—выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о распространеніи Женевской конвенціи на морскую войну.

Въ 1867 г. вопросъ этотъ дебатировался въ Парижѣ на международной конференціи обществъ Краснаго Креста. Въ 1868 году, по инициативѣ итальянскаго правительства, въ Женевѣ собирается конференція изъ делегатовъ отъ правительствъ, принимавшихъ участіе въ Женевской конференціи 1864 г., для пересмотра постановленій Женевской конвенціи, а также для ихъ распространенія на морскую войну.

Выработанный и принятый конференціей проектъ „дополнительныхъ правилъ“ не получилъ, однако, окончательной ратификаціи правительствъ. Сначала Франція, Англія и Россія потребовали измѣненія въ нѣкоторыхъ его статьяхъ; затѣмъ наступила франко-прусская война и другія связанныя съ ней политическія событія первостепенной важности, всецѣло поглотившія вниманіе и интересъ Европы.

А затѣмъ, когда политическая жизнь снова вошла въ обычную колею и когда, слѣдовательно, вновь оказалось возможнымъ поставить на очередь вопросъ о дѣятельности на морѣ Краснаго Креста, внимательное изученіе „дополнительныхъ статей 1868 г.“ уже успѣло обнаружить въ нихъ много недостатковъ и пробѣловъ, такъ что приходилось ду-

мать не о ратификаціи конвенціи 1868 г., а о выработкѣ новой, болѣе полной и болѣе совершенной конвенціи.

Необходимость такой конвенціи стояла внѣ всякаго спора. Въ 1870 г., въ самомъ началѣ франко-прусской войны, воюющія стороны, по предложенію швейцарскаго союзнаго совѣта, согласились соблюдать, какъ временный *modus vivendi*, въ теченіе войны „дополнительныя правила 1868 г.“. Такое же соглашеніе послѣдовало въ 1879 г. со стороны Перу и Чили въ началѣ войны между ними, носившей исключительно морской характеръ.

Начиная съ 1887 г. вопросъ о дѣятельности на морѣ Краснаго Креста не сходитъ съ программы международныхъ конференцій обществъ Краснаго Креста. Въ 1887 г. на конференціи въ Карльсруэ, въ 1892 г. на римской конференціи, наконецъ на послѣдней вѣнской конференціи въ 1897 г. послѣ серьезныхъ и содержательныхъ дебатовъ принимаются резолюціи, приглашающія правительства, подписавшія Женевскую конвенцію, „согласиться о распространеніи благодѣяній ея на морскія войны, подъ тѣми условіями и въ той мѣрѣ, въ какой это представляется возможнымъ“.

Въ тотъ самый моментъ, когда появился русскій циркуляръ 30 декабря, включившій вопросъ о распространеніи началъ Женевской конвенціи на морскую войну въ программу конференціи мира, швейцарское правительство предполагало обратиться къ державамъ съ предложеніемъ созвать особую конференцію для обсужденія и разрѣшенія, именно, этого спеціального вопроса ¹⁾.

Что касается третьей и послѣдней Гаагской конвенціи, являющейся наиболѣе важнымъ, наиболѣе прогрессивнымъ результатомъ конференціи мира, то историческое ея происхожденіе, ея историческая необходимость представляется еще болѣе очевидной и несомнѣнной, нежели первыхъ двухъ.

Мысль о миролюбивомъ разрѣшеніи международныхъ конфликтовъ—о замѣнѣ войны третейскимъ разбирательствомъ—

---

¹⁾ Georges Cauwès—L'extension des principes de la convention de Genève aux guerres maritimes, Paris. 1899 г., стр. 136 и сл.

съ незапамятныхъ временъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе лучшихъ умовъ человѣчества. Въ наше время эта мысль, спускаясь съ высотъ отвлеченной доктрины, проникаетъ непосредственно въ жизнь, овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ, умомъ и сердцемъ народовъ. Идея мира является одной изъ движущихъ силъ нашего времени.

Общества мира, спеціальныя органы періодической прессы, посвященные дѣлу мира, партіи мира въ европейскихъ парламентахъ, международныя конференціи друзей мира, интерпарламентарныя конференціи, — все это неопровержимо свидѣлствуетъ объ интенсивности мирнаго движенія, объ анти-военномъ настроеніи общественного мнѣнія въ большинствѣ цивилизованныхъ государствъ ¹⁾.

Въ наукѣ международного права трудно указать другой вопросъ болѣе разработанный, чѣмъ вопросъ о международномъ арбитражѣ. Литература этого вопроса почти необозримая; существуетъ множество болѣе или менѣе удачныхъ проектовъ обязательнаго арбитража, множество проектовъ организаціи постояннаго международнаго суда ²⁾.

Изъ области теоріи вопросъ о миролюбивомъ разрѣшеніи международныхъ конфликтовъ — и прежде всего, объ арбитражѣ — уже давно перешелъ въ область практики; въ сферѣ международныхъ отношеній добрыя услуги, посредничество и арбитражъ составляютъ чуть ли не повседневное явленіе. Любители древностей могутъ отыскать не мало примѣровъ международнаго арбитража еще въ классическомъ мірѣ, въ средніе вѣка и новое время. Въ наши дни международный арбитражъ приобретаетъ характеръ постояннаго международнаго института. Evans Darby въ XIX вѣкѣ, начинаясь 1817 г., насчитываетъ 157 случаевъ международнаго третейскаго разбирательства; правда, онъ не вполне точно отличаетъ арбитражъ отъ посредничества ³⁾; во всякомъ случаѣ, число третейскихъ

---

¹⁾ Подробный очеркъ движенія въ пользу мира — въ моеѣ брошюрѣ: „О вѣчномъ мирѣ“, стр. 15 и сл.

²⁾ Наиболее любопытныя проекты приводятся въ сборникѣ W. Evans Darby International Tribunals (London. 1899).

³⁾ Evans Darby, наз. соч., стр. 285—304.

разбирательствъ, начиная съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтїя, никакъ не менѣе 80 ¹⁾).

Не ограничиваясь обращеніемъ къ третейскому разбирательству для разрѣшенія уже возникшихъ недоразумѣній, современные государства вступаютъ другъ съ другомъ въ соглашенія, коими признаютъ обязательнымъ для себя, или только желательнымъ, обращеніе къ третейскому разбирательству для разрѣшенія всѣхъ вообще или нѣкоторыхъ опредѣленныхъ недоразумѣній, могущихъ впослѣдствїи возникнуть между ними.

Обязательность арбитража, устанавливаемая, такъ называемой, *clause compromissoire* трактатовъ, должна быть признана огромнымъ шагомъ впередъ по пути къ окончательному торжеству правовой идеи въ области международныхъ отношеній. Подчиняясь напередъ рѣшеніямъ третейскаго суда, государства отказываются отъ узкой и односторонней концепціи суверенитета, являющейся важнѣйшимъ препятствіемъ международнаго прогресса.

Въ настоящее время число трактатовъ, устанавливающихъ факультативный или обязательный арбитражъ, весьма почтенно.

Изъ общихъ трактатовъ, т. е. заключенныхъ между многими государствами и объемлющихъ весь или почти весь международный союзъ—назовемъ генеральный актъ брюссельской конференціи 2 іюля 1890 г. о торговлѣ неграми (ст.ст. 55, 56, 58), конвенцію о всемірномъ почтовомъ союзѣ 4 іюля 1891 г. (ст. 23), конвенцію о международномъ союзѣ для перевозки товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ 14 октября 1890 г. (ст. 57) и 4 іюля 1891 г. (ст. 22).

Спеціальныя трактаты, т. е. заключенныя между отдѣльными государствами, обыкновенно устанавливаютъ арбитражъ либо для разрѣшенія *всѣхъ вообще недоразумѣній*, могущихъ возникнуть между ними, либо для разрѣшенія недоразумѣній опредѣленнаго рода.

---

¹⁾ См. Lewis Appleton—Historic record of the triumphs of international arbitration (London. 1899), *passim*.

Къ первой, наиболѣе важной категоріи относятся 20 трактатовъ ¹⁾, ко второй около 40 ²⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и конвенція о миролюбивыхъ способахъ разрѣшенія международныхъ конфликтовъ выросла на исторической почвѣ, обусловлена историческими antecedентами.

Наконецъ, на той же исторической почвѣ возникли и деклараціи, воспреещающія употребленіе чрезмѣрно-жестокихъ и чрезмѣрно-губительныхъ средствъ истребленія: деклараціи эти являются шагомъ впередъ по тому пути, на который уже давно вступила петербургская декларація 1868 г., воспретившая, какъ извѣстно, употребленіе разрывныхъ пулъ.

Казалось бы, вышеприведенная историческая справка не можетъ не убѣдить самаго упорнаго скептика въ томъ, что дѣло конференціи отнюдь не является беспочвеннымъ, воздушнымъ замкомъ смѣлой фавтази; это великолѣпное, покол-

¹⁾ Правда, трактаты эти большей частью заключаются между второстепенными державами, не играющими политической роли; они интересны и важны не столько какъ *реализація*, сколько какъ *манифестація* идеи обязательнаго арбитража. Приводимъ ихъ перечень:

Австро-Венгрія и Сіамъ 17 мая 1869 г., ст. 26; Бельгія и Гавайскіе острова 4 октября 1862 г., ст. 26; Бельгія и Сіамъ 29 августа 1868 г., ст. 24; Бельгія и Южно-Африканская республика 3 февраля 1876 г., ст. 14; Бельгія и Венецуэла 1 марта 1884 г., ст. 2; Бельгія и Эквадоръ 5 марта 1887 г., ст. 2; Бельгія и Оранжевая республика 27 декабря 1894 года, ст. 14; Данія и Венецуэла 19 декабря 1862 года, ст. 26; Испанія и Венецуэла 20 мая 1882 года, ст. 14; Испанія и Эквадоръ 23 мая 1888 года, ст. 5; Испанія и Колумбія 28 апрѣля 1894 года, ст. 1; Испанія и Гондурасъ 19 ноября 1894 года, ст. 2; Италия и Аргентина 23 іюля 1898 года, *passim*; Швеція и Норвегія и Сіамъ 18 мая 1863 года, ст. 23; Нидерланды и Португалія 5 іюля 1894 года; Швейцарія и Гавайскіе острова 20 іюля 1864 года, ст. 20; Швейцарія и Сальвадоръ 30 октября 1883 года, ст. 13; Швейцарія и Южно-Африканская республика 6 ноября 1885 года, ст. 11; Швейцарія и Эквадоръ 22 іюня 1888 года, ст. 4; Швейцарія и Конго 16 ноября 1889 года, ст. 13.

²⁾ Изъ специальныхъ вопросовъ, по которымъ устанавливается обязательный арбитражъ, необходимо отмѣтить, главнымъ образомъ, вопросы торговли и мореплаванія, а затѣмъ и выдачи преступниковъ; трактаты, съ такъ называемой, ограниченной *clause compromissoire* заключены между прочимъ *Англіей* съ 5 государствами (Италіей, Греціей, Португаліей, Мексикой, Уругваемъ); *Италіей* съ 18 государствами (Румыніей, Греціей, Бельгіей, Англіей, Нидерландами и др.); *Бельгіей* съ 5 государствами (Италіей, Греціей, Швеціей, Норвегіей, Даніей); *Швеціей* съ 6 государствами (Испаніей, Бельгіей, Мексикой, Сіамомъ, Чили) и т. д.

щеся на прочномъ историческомъ фундаментѣ зданіе; это — величественный храмъ, воздвигнутый человѣчествомъ и посвященный имъ богу человѣчности.

III.

Первымъ и непосредственнымъ результатомъ гаагской конференціи является *кодификація*, такъ называемаго, права войны.

Значеніе кодификаціи, вообще, въ настоящее время достаточно выяснено наукой.

Кодификація очищаетъ право отъ противорѣчій и неясностей, пробѣловъ и недомолвокъ; она устраняетъ случайное и обобщаетъ казуистичное; она приводитъ къ единству, къ общему знаменателю разновременное и, отчасти, разномѣстное законодательство, собираетъ „разсыпанную хранину“ права.

Кодификація способствуетъ общезвѣстности права, усиливаетъ воздѣйствіе права на народную психику, увеличивая, такимъ образомъ, воспитательное его значеніе. До тѣхъ поръ, пока право развивается путемъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, накопляющихся съ теченіемъ времени въ огромномъ количествѣ, знаніе права представляетъ чрезмѣрныя трудности, доступно лишь малочисленному классу специалистовъ. Только кодифицированное право, — право, возведенное въ систему, въ логическое цѣлое, легко обозримое и легко усвояемое, можетъ быть не только общеобязательнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общезвѣстнымъ.

Обыкновенно, возражая противъ кодификаціи, противники ея ссылаются на то обстоятельство, что она останавливаетъ „свободное развитіе“ права, стѣсняя „правотворческую дѣятельность“ примѣнителей его ¹⁾. Въ дѣйствительности, однако, кодификація стѣсняетъ только произволь и усмотрѣніе примѣнителей права, предупреждаетъ искусственную под-

¹⁾ Въ отношеніи къ международному праву см. F. v. Holtzendorff—Die Quellen des Völkerrechts (Handbuch des Völkerrechts, т. I, стр. 142 и сл.).

мѣну положительнаго права его суррогатомъ, интуитивнымъ правоубѣжденіемъ администратора, дипломата или судьи.

Наоборотъ, „свободному развитію“ права, въ истинномъ смыслѣ этого слова, кодификація оказываетъ большую и незамѣнимую услугу. Уясняя духъ права, его основныя начала, кодификація открываетъ новыя широкіе горизонты для „вышей юриспруденціи“ (Лерингъ), способствуетъ „самовосполненію“ права. Путемъ логической дедукціи изъ основныхъ принциповъ, путемъ аналогіи и обращенія къ общему смыслу института юристъ создаетъ новыя положенія права, не высказанныя законодателемъ, но, тѣмъ не менѣе, входящія, какъ органически-необходимый членъ, въ установленную имъ правовую систему.

Само собою разумѣется, что преимущества кодификаціи вообще присущи, равнымъ образомъ, и кодификаціи международнаго права. Необходимо, однако, замѣтить, что въ области международнаго права кодификація имѣетъ еще болѣе важное, еще болѣе необходимое значеніе, ибо въ этой области кодификація права является въ то же время *позитиваціей* его.

Конечно, я далекъ отъ мысли, будто современное международное право, какъ таковое, не позитивно; однако, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что позитивность значительнаго числа его институтовъ и нормъ болѣе, чѣмъ проблематична. Традиціи естественнаго права донинѣ суверенно господствуютъ въ теоріи международнаго права. Догма и политика международнаго права находятся въ слитомъ недифференцированномъ видѣ, и часто нѣтъ никакой возможности провести рѣзкую, разграничительную черту между правомъ, какъ оно есть, и правомъ, какъ оно будетъ, или какъ оно должно было бы быть.

Такое, въ высокой степени прискорбное, явленіе объясняется, прежде всего и главнымъ образомъ, самымъ характеромъ современныхъ *источниковъ* международнаго права. Такими источниками, какъ извѣстно, признаются международный обычай, затѣмъ, такъ называемое, право юристовъ и, наконецъ, спеціальныя договоры между отдѣльными государствами.

Существеннымъ моментомъ въ понятіи обычнаго права, вообще, является узко-локальный его характеръ. Чтò городъ, то поровь, чтò деревня, то обычай,—говорить одна пословица; у Сидора обычай, у Карпа свой,—говорить другая.

Этотъ моментъ, т. е. локальный характеръ, по необходимости чуждъ международному праву: международный обычай—это норма, примѣняемая въ сферѣ, почти безграничной, общенія между цивилизованными народами. Универсальность международнаго обычая усугубляетъ въ значительной степени тѣ недостатки, которыя, вообще, свойственны обычному праву.

Эти недостатки—отсталость и консерватизмъ, недостаточная продуктивность и бѣдность содержанія ¹⁾, наконецъ, неопредѣленность не только санкціи, но и содержанія нормы.

Дѣйствительно нетрудно понять, что международное обычное право не можетъ угнаться за международной жизнью, такъ какъ для замѣны одного обычая другимъ требуется *во-всеми-стѣнами* замѣна одной постоянной практики другою, такою же постоянной; нетрудно понять, что число нормъ, пользующихся повсемѣстнымъ признаніемъ въ международномъ общеніи, по необходимости весьма и весьма ограничено; что обычное право, для констатированія котораго необходимо обращаться къ безчисленному множеству договоровъ различныхъ государствъ другъ съ другомъ, къ законодательству, судебной и дипломатической практикѣ *каждаго* изъ цивилизованныхъ государствъ,—что такое обычное право, въ высшей степени, противорѣчиво и, въ высшей степени, неопредѣленно. Всѣ ссылаются на обычное право—какъ на источникъ международнаго права; но каждый находитъ въ немъ то, чтò онъ въ немъ ищетъ. Діаметрально противоположныя мнѣнія перѣдко съ равнымъ основаніемъ подкрѣпляются ссылкой на „прецеденты“, на „господствующую практику“,—однимъ словомъ, на обычное право.

Еще болѣе обычнаго права противорѣчиво, сомнительно и неопредѣленно право юристовъ.

---

¹⁾ См. рядъ статей объ обычномъ правѣ І. Петражпцкаго въ „Правѣ“ за 1899 г.

Какъ извѣстно, въ древнемъ Римѣ, въ Германіи XVI—XVIII вв. право юристовъ, дѣйствительно, является важнѣйшимъ и продуктивнѣйшимъ источникомъ права. Возможность такого явленія была обусловлена, главнымъ образомъ, двумя обстоятельствами: во-1-хъ, и въ Римѣ, и въ Германіи сами юристы призваны были примѣнять создаваемое ими право; во-2-хъ, и въ Римѣ, и въ Германіи существовала *школа юристовъ*, существовала *сophinis opinio*, признавались традиціи и авторитетъ.

Ничего подобнаго мы не наблюдаемъ въ сферѣ междунагоднаго права.

Международное право примѣняется не создающими его учеными юристами. Оно примѣняется дипломатами, которые часто—ради красоты слога—ссылаются на авторитетъ ученыхъ, но рѣдко дѣйствительно интересуются ихъ доктринами; оно примѣняется людьми военнаго дѣла, питающими, такъ сказать, *профессіональную антипатію* къ „празднымъ измышлениямъ кабинетныхъ доктринеровъ“.

О школѣ юристовъ междунагоднаго права, о *сophinis opinio* по важнѣйшимъ его вопросамъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Политическія симпатіи и антипатіи, національный шовинизмъ—враги объективной истины—въ области междунагоднаго права препятствуютъ единству доктрины больше, чѣмъ во всякой другой области.

Достаточно сравнить англійскую доктрину междунагоднаго права съ русской, французскую съ германской, доктрину небольшихъ государствъ съ доктриной великихъ державъ, для того, чтобы убѣдиться въ полной неопредѣленности и въ безконечныхъ противорѣчіяхъ, такъ называемаго, междунагоднаго права юристовъ.

Что касается, наконецъ, спеціальныхъ договоровъ между отдѣльными государствами, то, собственно говоря, врядъ ли они могутъ быть названы источниками междунагоднаго права. Договоръ, какъ юридическая сдѣлка, какъ средство осуществленія тѣхъ или иныхъ преходящихъ интересовъ того или иного государства, *объективнаго* междунагоднаго права не создаетъ. Международные договоры являются лишь матеріа-

ломъ, изъ котораго, путемъ сравнительнаго изученія, могутъ быть извлечены нормы обычнаго права, — т. е. нормы, встрѣчающіяся, по общему правилу, во всѣхъ однородныхъ договорахъ.

Необходимымъ слѣдствіемъ указаннаго характера источниковъ международнаго права является неопредѣленность и отчасти сомнительность его нормъ. Я не стану останавливаться на тѣхъ ученіяхъ, которыя принципиально отрицаютъ позитивность международнаго права, — отрицаютъ потому, что за спиной международнаго права не стоитъ международный жандармъ. Но даже тѣ писатели, которые, говоря вообще, признаютъ международное право позитивнымъ, сплошь и рядомъ отрицаютъ позитивность того или иного института, или — больше того — той или иной части его системы.

Въ этомъ отношеніи чаще всего подвергается оспариванію и критикѣ право войны. Война опредѣляется, какъ длительное состояніе безграничныхъ насилій (*un état des violences indéterminées*) между людьми; право войны признается немислимымъ потому, что во время войны господствуетъ и должна господствовать грубая сила.

Единственнымъ закономъ, опредѣляющимъ отношеніе воюющихъ другъ къ другу и къ нейтральнымъ, сплошь и рядомъ еще донынѣ признается законъ военной необходимости, — *bellua multorum caritas*, по выраженію Бинкерсгука.

Но законъ военной необходимости является прямымъ отрицаніемъ всякаго права вообще; онъ оправдываетъ самыя жестокия преступленія, самыя возмутительныя нарушенія независимости государствъ. Въ сферѣ международныхъ отношеній законъ необходимости служитъ всегда интересамъ сильнаго, а не слабого, оправданіемъ произвола, а не защитой отъ него. Вспомнимъ, что уничтоженіе Англіей датскаго флота, во время полнаго мира, въ гавани Копенгагена въ 1801 г. и бомбардировка датской столицы въ 1807 г. были въ свое время оправдываемы закономъ необходимости ¹⁾.

Конечно, и въ сферѣ международной жизни дѣйствуетъ

---

¹⁾ Descamps—Le droit de la paix et de la guerre (Paris. 1898), pp. 130 et suiv.

законъ прогресса. Въ настоящее время господствующее мнѣніе безусловно признаетъ позитивность международнаго права, считаетъ обязательнымъ право войны и для воюющихъ, и для нейтральныхъ; однако и въ настоящее время примѣненіе и толкованіе этого права обнаруживаетъ въ немъ безконечное множество противорѣчій, неясностей и пробѣловъ. Мы знаемъ, что право войны существуетъ, но—увы!—мы часто не знаемъ, чего оно требуетъ.

Исторія послѣднихъ войнъ, напр., франко-прусской 1870 г., неопровержимо доказываетъ, что такая неопредѣленность международнаго права, вообще, и права войны, въ особенности, необходимо приводитъ къ послѣдствіямъ, въ высшей степени печальнымъ. Нужно помнить, что право войны примѣняется не судьей, не третьимъ лицомъ, а непосредственно заинтересованными сторонами, что всякая неопредѣленность его толкуется въ свою пользу не той стороной, которая правѣе, а той, которая сильнѣе. Неопредѣленность права войны необходимо приводитъ ко взаимнымъ обвиненіямъ въ его нарушеніи, къ обостренію вражды, къ жестокимъ репрессаліямъ,—однимъ словомъ, къ умноженію ужасовъ и бѣдствій войны.

Во время франко-прусской войны Германія, какъ извѣстно, обвиняла французское правительство въ томъ, „что оно даетъ своимъ войскамъ предписанія, противныя какъ всѣмъ обычаямъ войны, принятымъ христіанскими народами, такъ и всякому чувству военной чести“; наоборотъ, по заявленіямъ Франціи, „Пруссія не только нарушила законы, наиболѣе чтимые человѣчествомъ, она не исполнила самыхъ торжественныхъ своихъ обязательствъ. Она ведетъ войска, преобразованныя въ полчища разбойниковъ (*hordes de pillards*), къ войнѣ истребленія“¹⁾.

Эти взаимныя обвиненія были уже потому неизбежны, что воюющіе не могли согласиться другъ съ другомъ о томъ, чтò считать „общепринятыми обычаями“, „наиболѣе чтимыми

¹⁾ Цитаты у Ф. Мартенса, Восточная война и Брюссельская конференція, стр. 109.

законами“ войны. Между тѣмъ прямымъ послѣдствіемъ этихъ обвиненій явилось со стороны германскаго военнаго начальства „примѣненіе съ крайней суровостью права войны“, со стороны французскаго—употребленіе не менѣе суровыхъ репрессалій.

Какъ уже упомянуто выше, кодификація права войны является въ то же время позитиваціей его.

Въ основаніи каждаго междунаrodnаго кодекса, т. е. универсальнаго трактата, необходимо лежитъ *универсальное сознание* разумности и необходимости устанавливаемыхъ имъ нормъ. Въ то время, какъ спеціальныя договоры являются искусственнымъ *компромиссомъ противоположныхъ интересовъ и воли* ¹⁾, трактаты универсальныя выражаютъ всегда и необходимо *совпаденіе* интересовъ и воли *тождественныхъ и однородныхъ*.

Въ спеціальномъ договорѣ, каково бы ни было число его участниковъ, всегда имѣется *двѣ стороны*; въ универсальномъ—двухъ сторонъ нѣтъ, а есть *одна сторона*, у которой одинъ интересъ и одна воля.

Каждый универсальный трактатъ является выраженіемъ *общей воли* цивилизованныхъ государствъ,—той единой „общей воли“ (*volonté générale, Gemeinwille*), которая творитъ объективное право. По своему характеру, содержанію и цѣли, спеціальныя трактаты *toto coelo* отличены отъ универсальнаго: первый имѣетъ характеръ компромисса, второй—декларативный; первый является титуломъ правоотношенія; второй—источникомъ права ²⁾; изъ перваго для каждаго изъ участниковъ вытекаютъ особыя, изъ втораго для всѣхъ участниковъ одни и тѣ же обязанности и права ³⁾.

---

¹⁾ Опредѣленіе договора вообще, какъ совпаденія тождественныхъ волей, противорѣчитъ дѣйствительности; при куплѣ—продажѣ воля покупателя направлена къ приобрѣтенію вещи, воля продавца къ приобрѣтенію денежнаго ея эквивалента. Сравни *Triepel, Völkerrecht und Landesrecht*, стр. 35 и сл.

²⁾ Нѣмецкая наука—пока еще тщетно—пытается отыскать соотвѣтственный техническій терминъ для обозначенія декларативныхъ, правообразующихъ соглашеній въ отличіе отъ договоровъ въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ этого слова. Ср., напр., *Gesamtact (Kuntze), Vereinbarung (Jellinek)* и др.

³⁾ Ср. *Triepel*, н. с., стр. 53 и сл.

Совокупность универсальных международных трактатов—почтовых, желѣзнодорожныхъ, промышленныхъ, опредѣляющихъ право войны и т. д.—образуетъ положительное международное право,—право, связывающее и обязывающее отдѣльныя государства, создающее атмосферу, въ которой и которой они живутъ.

Современное международное право постепенно созидается на нашихъ глазахъ; изъ его материн, какъ твердыя тѣла изъ первобытнаго хаоса, постепенно сгущаются, твердѣютъ, кристаллизуются юридическія нормы.

Кодификація объективируетъ субъективные элементы международного права, увеличиваетъ силу, обезпечиваетъ господство праваго начала надъ международной жизнью. Каждый новый универсальный трактатъ является новымъ шагомъ впередъ по пути къ позитиваціи международного права, къ трансформациі хаоса правовыхъ положеній (*Rechtssätze*) въ систему правовыхъ нормъ (*Rechtsnormen*).

Въ этомъ отношеніи кодификація права войны представляется особенно важной; ибо она знаменуетъ проникновеніе права въ такую область, которая наименѣе для него доступна и въ то же время наиболѣе нуждается въ немъ.

Проникновеніе права въ область войны имѣетъ своимъ непосредственнымъ и прямымъ результатомъ упорядоченіе войны, включеніе ея въ опредѣленные границы, стѣсненіе ея неподатливыми рамками юридическихъ нормъ. Кодификація права войны устраняетъ сомнительность и неопредѣленность его. Она закрѣпляетъ на бумагѣ—а что написано перомъ, того не вырубить топоромъ—тѣ требованія (*ius scriptum*), которыя каждая изъ воюющихъ сторонъ въ правѣ предъявить къ другой.

Но это не все. Проникновеніе права въ область войны своимъ отдаленнымъ, но необходимымъ послѣдствіемъ—раньше или позже, неизбѣжно должно имѣть полное и окончательное упраздненіе войны, исчезновеніе ея изъ практики международной жизни; именно, въ этомъ заключается великое общекультурное значеніе позитиваціи права войны, независимо отъ непосредственныхъ и прямыхъ ея результатовъ.

Каждому изъ насъ нерѣдко приходилось слышать, а можетъ быть и самому употреблять ходкіи въ общезитіи афоризмъ: въ области соціальныхъ отношеній вообще, а въ области международныхъ отношеній, въ особенности, сила господствуетъ надъ правомъ (*la force prime le droit*); а между тѣмъ я не знаю мысли болѣе ложной, чѣмъ этотъ афоризмъ.

По самому существу своему, сила, какъ преходящее явленіе, не можетъ господствовать надъ длительнымъ состояніемъ права. Сила можетъ нарушить право, но не господствовать надъ нимъ. Каждое нарушеніе права является аномаліей; господство права—необходимымъ и нормальнымъ порядкомъ.

Власть силы кратковременна и непрочна. Сила властвуетъ физическимъ принужденіемъ, властвуетъ, пока держитъ жертву въ своихъ рукахъ. Время—врагъ силы; либо оно убиваетъ силу, истощая ее энергію, либо оно легитимируетъ силу, превращая ее въ право.

Наоборотъ, власть права съ теченіемъ времени крѣпнеть и растетъ. Право властвуетъ прежде всего и главнымъ образомъ принужденіемъ психическимъ; на сторонѣ подвластнаго оно создаетъ *сознаніе обязанности* и этимъ сознаніемъ, которое укрѣпляется временемъ, управомоченный господствуетъ надъ подвластнымъ.

Жизнь общества есть не что иное, какъ медленное и постепенное нарастаніе въ исторіи господства духа надъ матеріей, идеи надъ фактомъ, права надъ силой.

Ростъ права въ исторіи протекаетъ въ двухъ направленіяхъ—экстенсивномъ и интенсивномъ.

Съ теченіемъ времени, право захватываетъ все болѣе и болѣе широкія сферы человѣческаго общенія: съ кровнаго, родоваго союза оно распространяется на болѣе широкій территориальный союзъ—общину, съ общины на государство, съ государства на международное общеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, право становится все болѣе и болѣе интенсивнымъ. Вначалѣ право регламентируетъ силу умѣренно и осторожно. Психическое воздѣйствіе права еще не успѣло достаточнымъ образомъ дисциплинировать силу. Каждое чрез-

мѣрное требованіе права можетъ вызвать протестъ и возмущеніе своевольной силы, еще не забывшей своей недавней свободы. Но мало по малу авторитетъ права растетъ, его голосъ крѣпнетъ, его приказанія становятся рѣшительнѣй и смѣлѣй. У произвола отнимается одно оружіе за другимъ; притязанія силы, безграничныя вначалѣ, точнѣй и точнѣй опредѣляются правомъ.

Съ конечнымъ торжествомъ права, ограниченная и стѣсненная сила превращается въ правомочіе, обезоруженное насиліе въ притязаніе, безправный объектъ въ полноправнаго субъекта. Только-что описанный процессъ наблюдается во всѣхъ безъ исключенія областяхъ права, — въ государственномъ и уголовномъ, въ гражданскомъ, какъ въ вещномъ и обязательственномъ, такъ точно и въ семейственномъ правѣ.

Въ равной мѣрѣ, онъ наблюдается въ правѣ международномъ.

На область международныхъ отношеній право позже всего распространяетъ свое господство; въ этой области — позже, чѣмъ во всякой другой — его существованіе прекарно, его воля нерѣшительна и безсильна. Вначалѣ международное право регламентируетъ исключительнo состояніе международного мира. Область войны остается для него недоступной; въ храмѣ Януса лѣтъ мѣста статуѣ Темеиды. Во время войны стихійно господствуетъ сила; право побѣдителя — на острѣе его меча.

Но мало по малу — и этотъ процессъ совершается на нашихъ глазахъ — право, сначала неувѣренно и робко, проникаетъ въ пѣкогда для него недоступную область войны.

Подобно тому какъ уголовное право, прежде чѣмъ отмѣнить институтъ частной мести, въ теченіе долгаго времени довольствуется его регламентаціей; подобно тому какъ гражданское право, прежде чѣмъ отмѣнить рабство, или *patgia potestas*, въ теченіе долгаго времени ограничиваетъ и стѣсняетъ господствующую власть, выговаривая въ пользу подвластнаго различныя, сначала маловажныя, права, — такъ точно международное право, сначала преклоняясь предъ фактомъ войны, стремится регламентировать войну, стѣснить и огра-

ничить, опутать ее, какъ охотникъ опутываетъ дикаго звѣря тенетами, тонкой, но крѣпкою сѣтью юридическихъ нормъ.

Съ теченіемъ времени и въ области международной жизни, какъ во всякой другой соціальной области, право растетъ и крѣпнетъ. Каждая новая побѣда права является въ то же время пораженіемъ безправія, т. е. войны. И когда, наконецъ, атмосфера международной жизни, насытится въ достаточной степени элементомъ права, въ этой атмосферѣ задохнется война.

IV.

Слѣдующимъ моментомъ, характеризующимъ дѣло конференціи мира, является *гуманизация войны*.

Я упомянулъ уже выше, что самый фактъ кодификаціи права войны, независимо отъ содержанія тѣхъ или иныхъ его нормъ, имѣетъ огромное значеніе въ смыслѣ упорядоченія и гуманизации войны. Универсальный трактатъ устраняетъ сомнительность и неопредѣленность права войны,—сомнительность и неопредѣленность, всегда толкуемую въ свою пользу побѣдителемъ, а не побѣжденнымъ.

Но независимо отъ этого, ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ конвенцій и декларацій, принятыхъ конференціей мира, неопровержимо свидѣтельствуетъ о гуманности и справедливости устанавливаемыхъ ими нормъ.

Остановимся, прежде всего, на конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны. Наиболѣе важными и трудными вопросами, затронутыми этой обширной конвенціей,—вопросами, надъ которыми особенно много пришлось потрудиться конференціи, являются, во-1-хъ, вопросъ „о признакахъ воюющей стороны“ ¹⁾ и, во-2-хъ, вопросъ о военной власти на (окупированной) территоріи непріятельскаго государства ²⁾.

Хотя вопросы эти разсматриваются въ различныхъ отдѣлахъ конвенціи, тѣмъ не менѣе, по существу, они нераз-

¹⁾ Гл. 1 отдѣла I, ст. ст. 1—3.

²⁾ Отдѣлъ III, ст. ст. 42—56.

дѣльно связаны другъ съ другомъ и поэтому обсуждались конференціей нераздѣльно.

Трудность ихъ удовлетворительнаго разрѣшенія заключается въ томъ, что, какъ по первому, такъ и по второму изъ нихъ, интересы небольшихъ, второстепенныхъ государствъ прямо противоположны интересамъ великихъ державъ.

Не трудно понять, что въ случаѣ войны между небольшимъ государствомъ и великой державой, или въ случаѣ участія небольшого государства въ войнѣ между великими державами, оборонительная роль необходимо выпадетъ на долю небольшого государства, наступательная—на долю великихъ державъ; другими словами, только территорія небольшого государства можетъ быть занята оккупационной арміей великой державы, а не наоборотъ. Но, въ такомъ случаѣ, интересы небольшихъ государствъ всегда и необходимо *напередъ* требуютъ возможнаго ограниченія правъ оккупационной арміи въ отношеніи непріятельской территоріи; наоборотъ, интересы великихъ державъ не менѣе категорично требуютъ, по возможности, неограниченной и полной свободы распоряженій и дѣйствій для оккупационной арміи.

Съ другой стороны, небольшія государства, разумѣется, не въ состояніи выставить сколько-нибудь значительныхъ армій; поэтому вся ихъ надежда и вся ихъ защита заключается въ народномъ ополченіи, въ массовомъ возстаніи населенія на защиту родной земли. Отсюда естественно вытекаетъ требованіе, чтобы права воюющей стороны признавались противникомъ не только за регулярной арміей, по, равнымъ образомъ, и за неорганизованными массами народа. Наоборотъ, великія державы, сила которыхъ заключается въ огромныхъ арміяхъ, понятнымъ образомъ, относятся враждебно къ, такъ называемой, народной войнѣ. Исходя изъ того факта, что современная война ведется между вооруженными силами государствъ, а не ихъ населеніемъ, великія державы, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ,—отказываются признавать воюющей стороной мирное населеніе, возставшее противъ врага на защиту отечества.

Во время франко-прусской войны французскіе вольные

стрѣлки признавались германскимъ военнымъ начальствомъ разбойниками и, какъ таковыя, въ случаѣ захвата, немилосердно подвергались казни.

Какъ извѣстно, неудача брюссельской конференціи и объясняется, именно, вышеуказаннымъ антагонизмомъ между небольшими государствами и государствами, не имѣющими значительныхъ армій,—напр. Бельгіей, Голландіей, Англійей и др., съ одной стороны, и великими державами, главнымъ образомъ, Германіей, съ другой.

Гаагская конференція была счастливѣе брюссельской; она разрѣшила, хотя и съ большимъ трудомъ, поставленную ей задачу, и разрѣшила ее въ духѣ гуманности, въ интересахъ небольшихъ и малосильныхъ государствъ.

Конечно, въ соответственныхъ постановленіяхъ разсматриваемаго регламента много пробѣловъ и несовершенствъ; какъ всякій компромиссъ, они даютъ немало основанийъ для критики, такъ сказать, съ обоихъ фланговъ; они не удовлетворяютъ вполнѣ ничьихъ интересовъ и ничьихъ желаній.

Однако, тотъ, кто хоть нѣсколько знакомъ съ практикой предшествующихъ войнъ и съ состояніемъ международной доктрины по разсматриваемому вопросу, тотъ признаетъ вмѣстѣ съ нами, что постановленія гаагской конвенціи, во всякомъ случаѣ, являются огромнымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ по пути къ гуманизации и упорядоченію войны. Въ будущихъ войнахъ эти постановленія послужатъ палладіумомъ слабѣйшей и побѣжденной стороны.

Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ.

Согласно ст. 1 регламента, воюющей стороной признаются, кромѣ регулярныхъ армій, отряды ополченцевъ, или добровольцевъ, если только они удовлетворяютъ опредѣленнымъ, легко осуществимымъ условіямъ, а именно: 1) если они имѣютъ во главѣ лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ; 2) если они имѣютъ постоянный и явственно видимый издали отличительный знакъ; 3) если они открыто носятъ оружіе и 4) если они сообразуются съ законами и обычаями войны.

Согласно ст. 2, населеніе незапятой территоріи, которое, не успѣвъ организовать примѣнительно къ ст. 1, добро-

вольно, при приближеніи непріятели, берется за оружіе, считается воюющей стороной, если только оно соблюдаетъ законы и обычаи войны. Изъ актовъ конференціи явствуетъ, что постановленія эти сознательно были приняты ею въ интересахъ слабыхъ и плохо защищенныхъ государствъ ¹⁾; во всякомъ случаѣ они предоставляютъ имъ широкую возможность самозащиты.

Что касается военной власти на оккупированной территоріи непріятельскойскаго государства, то власть эта ставится въ довольно тѣсныя границы, главнымъ образомъ въ интересахъ мирнаго населенія страны. Существующіе законы не должны быть безъ крайней необходимости измѣняемы (ст. 43); населеніе не должно быть принуждаемо къ присягѣ на вѣрность непріятельской державѣ, къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своего отечества (ст. 44 и 45); жизнь и собственность, честь, семейныя права и религіозныя убѣжденія частныхъ лицъ объявляются неприкосновенными; воспрещается конфискація и грабежъ (ст. 46 и 47). Безъ крайней необходимости, не должны быть измѣняемы дѣйствующія правила раскладки и распределенія взимаемыхъ съ населенія государственныхъ сборовъ (ст. 48). Денежныя контрибуціи и реквизиціи натурой допускаются исключительно лишь на нужды оккупационной арміи и управленія данной мѣстности (ст. 49 и 52); другими словами, контрибуціи и реквизиціи впредь не могутъ быть, по примѣру прежнихъ войнъ, налагаемы побѣдителемъ на мирное населеніе занятой территоріи, въ видахъ собственнаго обогащенія или разоренія непріятельской страны. Взиманіе контрибуцій и реквизицій обставлено извѣстными формальностями, гарантирующими, до нѣкоторой степени, интересы населенія отъ произвола начальниковъ и хищническихъ инстинктовъ военныхъ массъ (ст. 51, 52). Мирное населеніе не можетъ быть подвергаемо никакимъ коллективнымъ

---

¹⁾ Pillet (Les lois actuelles de la guerre, стр. 46) находитъ даже, что приведенное постановленіе, имѣвшееся и въ брусельскомъ проектѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, представляется *чрезмѣрно* либеральнымъ и вслѣдствіе этого непрактичнымъ.

наказаніямъ, денежнымъ или инымъ, за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, въ коихъ не усматривается солидарной виновности всего населенія (ст. 50). Частной собственности приравнивается собственность общинъ, релігіозныхъ, благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій; воспрещается всякій захватъ, разрушеніе или поврежденіе историческихъ памятниковъ, произведеній искусства или науки (ст. 56).

Значительную часть разсматриваемаго регламента составляетъ обширная вторая глава I отдѣла, посвященная вопросу о военно-плѣнныхъ ¹⁾.

Основной, въ высокой степени гуманный, принципъ, опредѣляющій положеніе военно-плѣнныхъ, выраженъ въ ст. 7 регламента; согласно этой статьѣ, при отсутствіи особаго соглашенія, военно-плѣнные пользуются такимъ же содержаніемъ, т. е. продовольствіемъ, помѣщеніемъ и одеждой, какъ и войска того государства, у коего они находятся въ плѣну.

Положеніе это вытекаетъ изъ того общепринятаго въ настоящее время начала, что обезоруженный врагъ, поставленный въ невозможность вредить, перестаетъ быть врагомъ.

Всѣ вообще стѣснительныя мѣры, допускаемыя регламентомъ по отношенію къ военно-плѣннымъ, преслѣдуютъ одну только цѣль, а именно, предупрежденіе возможнаго съ ихъ стороны бѣгства. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ регламентъ проявляетъ крайнюю заботливость объ улучшеніи и облегченіи ихъ участи.

По сравненію съ брюссельскимъ проектомъ, гаагская конвенція дѣлаетъ въ этомъ направленіи значительный шагъ впередъ.

Согласно ст. 14 регламента, съ самаго начала военныхъ дѣйствій въ каждомъ изъ воюющихъ государствъ, а также и въ нейтральныхъ государствахъ, если тамъ содержатся военно-плѣнные, учреждается специальное бюро для справокъ о военно-плѣнныхъ. На бюро возлагается обязанность отвѣчать на всевозможные запросы, касающіеся военно-плѣнныхъ; съ этою цѣлью оно получаетъ отъ компетентныхъ вѣдомствъ всѣ

¹⁾ Ст.ст. 4—20.

необходимыя свѣдѣнія о ихъ мѣстонахожденіи, перемѣщеніяхъ, заболѣваніяхъ и смерти. Кромѣ того сюда стекаются, для передачи, по принадлежности, деньги, письма, предметы личнаго обихода, оставшіеся послѣ умершихъ военно-плѣнныхъ.

Ст. 16 освобождаетъ простую и денежную корреспонденцію и всякія посылки, предназначаемыя для военно-плѣнныхъ или отправляемыя ими, отъ всѣхъ почтовыхъ сборовъ, а также отъ фрахтовъ за перевозку по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ какъ въ странахъ отправленія и назначенія, такъ и въ промежуточныхъ странахъ.

Ст. 15 обѣщаетъ возможное содѣйствіе со стороны воюющихъ обществамъ оказанія помощи военно-плѣннымъ для наиболѣе успѣшнаго выполненія ими своей человѣколюбивой задачи.

Приведенныя постановленія, включенныя въ регламентъ по инициативѣ перваго бельгійскаго делегата, отчасти заимствованы изъ французскаго регламента 1893 г., отчасти являются осуществленіемъ пожеланія, выраженнаго конгрессомъ обществъ Краснаго Креста 1889 г. Впрочемъ, мысль о бесплатной пересылкѣ пожертвованій въ пользу военно-плѣнныхъ, а также объ оффиціальномъ признаніи обществъ оказанія помощи военно-плѣннымъ, возбуждалась, однако, вполне безуспѣшно, первымъ бельгійскимъ делегатомъ еще на брюссельской конференціи 1874 г. ¹⁾

Врядъ ли необходимо доказывать, въ какой степени гуманны и благодѣтельны означенныя постановленія, не только въ отношеніи къ самимъ военно-плѣннымъ, но также и въ отношеніи къ ихъ далекимъ семьямъ, къ отцамъ, матерямъ и дѣтямъ.

Боснемся, наконецъ, еще одного вопроса, регламентированнаго конвенціей.

Первая глава II отдѣла трактуеть о средствахъ нанесенія вреда непріятелю, объ осадахъ и бомбардировкахъ.

---

¹⁾ Projet de règlement international sur les prisonniers de guerre, présenté à MM. les membres de la conférence, pp. 11 et suiv.

Первая статья этой главы (22) устанавливаетъ слѣдующій принципъ: воюющіе не пользуются неограниченной свободой въ выборѣ средствъ нанесенія вреда противнику.

Сообразно съ этимъ, ст. 23, кромѣ ограниченій, установленныхъ спеціальными конвенціями, воспрещаетъ особливо:

- а) пользоваться ядомъ или отравленнымъ оружіемъ,
- б) предательски убивать или ранить лицъ, принадлежащихъ къ населенію или арміи противной стороны,
- в) убивать или наносить раны непріятелю, который, положивъ оружіе или лишившись средствъ защищаться, сдался на милость побѣдителя. Насколько послѣднее правило представляется прогрессивнымъ и гуманнымъ, можно видѣть хотя-бы изъ того обстоятельства, что не только военная практика, но даже теорія, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, Геффтера, Людера, Неймана, Блунчли и др., допускаетъ убійство сдавагося и обезоруженнаго непріятеля въ тѣхъ случаяхъ, когда взятіе его въ плѣнъ представляется почему бы то ни было въ значительной степени стѣснительнымъ и неудобнымъ ¹⁾.

Далѣе, воспрещается:

- д) объявлять о томъ, что никому не дано будетъ пощады,
- е) употребить оружіе, снаряды или вещества, причиняющіе напрасныя страданія,
- ф) злоупотреблять парламентарскимъ или національнымъ флагомъ, военными знаками и форменной одеждой непріятеля, а равнымъ образомъ отличительными знаками женевской конвенціи,

г) разрушать или захватывать непріятельскую собственность, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда подобныя разрушенія или захваты настоятельно вызываются военной необходимостью.

Къ изложенной статьѣ примыкаютъ и три деклараціи, принятыя гаагской конференціей; по своему существу, деклараціи эти являются не чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ пункта е, воспрещающаго употребленіе оружія, снарядовъ и веществъ, причиняющихъ напрасныя страданія ²⁾.

¹⁾ A. Pillet. Les lois actuelles de la guerre (Paris. 1898), p. 149.

²⁾ Въ Брюссельскомъ проектѣ пунктъ этотъ изложенъ въ слѣдующей редакціи l'emploi d'armes, de projectiles ou de matières propres à causer des maux

Такимъ оружіемъ, снарядами и веществами деклараціи признаютъ:

во-1-хъ) пули, расширяющіяся или расплющивающіяся въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ, напр., пули, твердая оболочка которыхъ не покрываетъ вполне ядра, или снабжена насѣчкой (такъ называемые, пули думъ-думъ);

во-2-хъ) разрывные и всякіе другіе снаряды, бросаемые съ воздушныхъ шаровъ или другими какими-нибудь подобными, еще не бывшими въ употребленіи способами;

въ-3-хъ) снаряды, единственная цѣль которыхъ заключается въ распространеніи удушающихъ и смертоносныхъ газовъ.

Въ заключеніе, разсматриваемая глава останавливается на осадахъ и бомбардировкахъ: воспрещается подвергать имъ незащищенные города, деревни, жилища и строенія (ст. 25); предписывается щадить, насколько возможно, храмы, зданія благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій, сборные пункты для больныхъ и раненыхъ (ст. 27); воспрещается отдавать на разграбленіе городъ или населенное мѣсто, взятое приступомъ (ст. 28).

Конечно, я далеко не исчерпалъ всего богатаго содержанія разсматриваемой конвенціи; но и сказаннаго, казалось бы, вполне достаточно для того, чтобы охарактеризовать тотъ духъ гуманности, которымъ она проникнута отъ начала и до конца.

Тѣмъ же духомъ, пожалуй, еще въ большей степени проникнута и вторая конвенція, о примѣненіи началъ женеvской конвенціи къ морской войнѣ. Самая ея цѣль исключительно гуманитарная. Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что помощь Краснаго Креста представляется еще болѣе необходимой во время морской войны, нежели во время сухопутной. Сражающимся на морѣ, кромѣ непріятельскаго оружія, грозитъ безпощадная стихія. Жертвами морской войны, кромѣ убитыхъ, больныхъ и раненыхъ, являются утопающіе,

при чемъ число послѣднихъ значительно превышаетъ число первыхъ.

Если тѣмъ не менѣе благодѣяніи женевской конвенціи сначала коснулись войны сухопутной, то отчасти объясняется это тѣмъ, что ужасы сухопутной войны, протекающей среди обитаемыхъ мѣстъ, болѣе извѣстны, болѣе дѣйствуютъ на воображеніе и чувство многочисленныхъ свидѣтелей ¹⁾).

Сраженія на сушѣ оставляютъ по себѣ неизгладимые слѣды. Мѣсто сраженія остается усѣяннымъ трупами; раненые по нѣсколькимъ дней лежатъ подъ открытымъ небомъ и зываютъ о помощи. Спусти много лѣтъ памятники на братскихъ могилахъ папоминаютъ благодарнымъ потомкамъ о страданіяхъ и смерти павшихъ въ сраженіи героевъ.

Ничего подобнаго не бываетъ во время морской войны. Свидѣтелями морскихъ сраженій бываютъ только участники ихъ; никто не слышитъ криковъ о помощи, никто не видитъ протянутыхъ рукъ, не видитъ лицъ, искаженныхъ ужасомъ и болью. Люди и обломки кораблей исчезаютъ въ морской пучинѣ, и тамъ, гдѣ за нѣсколько часовъ кипѣлъ и гремѣлъ ожесточенный бой, безбрежное море, подрежнему, катитъ свои холодныя волны.

У морской войны не было своего Дюнапа; а между тѣмъ „воспоминанія о Лиссѣ“ по своему трагизму уступили бы немногимъ „воспоминаніямъ о Сольферино“.

Событія послѣднихъ войнъ—гибель англійскаго парохода Kawshing'a и сраженіе при Ялу во время японско-китайской войны, уничтоженіе испанскаго флота при Санъ-Яго—неопровержимо доказываютъ безусловную необходимость и своевременность распространенія женевской конвенціи на морскую войну.

Принятая въ Гаагѣ конвенція объявляетъ, подъ условіемъ соблюденія опредѣленныхъ формальностей, неприкосновенными и неподлежащими захвату госпитальныя корабли какъ военныя, такъ и снаряжаемые частными лицами и официально

---

¹⁾ Ca u w è s — L'extension des principes de la Convention de Genève aux guerres maritimes, 1899, p. 8 et suiv.

признанными обществами воюющихъ или нейтральныхъ государствъ; точно также не подлежатъ захвату коммерческіе корабли, яхты или другія суда нейтральныхъ государствъ, перевозящія раненыхъ, больныхъ, или потерпѣвшихъ крушеніе.

Больничный и духовный персоналъ во время морской войны пользуется такой же неприкосновенностью, какъ во время сухопутной.

Раненые, больные и потерпѣвшіе крушеніе, попавшіе во власть враждебной стороны, признаются военнопленными; въ плену они пользуются надлежащимъ леченіемъ и уходомъ. Побѣдитель по собственному своему усмотрѣнію можетъ либо оставить ихъ у себя, либо направить ихъ въ свой портъ, или въ нейтральный портъ, или даже въ портъ враждебной стороны. Высаженные въ нейтральномъ портѣ, они должны оставаться въ немъ до окончанія войны; возвращенные въ отечество, они до окончанія войны не должны нести военной службы.

По сравненію съ женеvскимъ проектомъ, гаагская конвенція въ одномъ отношеніи представляетъ значительный шагъ впередъ. Въ то время, какъ женеvскій проектъ допускаетъ захватъ военныхъ госпитальныхъ кораблей неприятельской стороны, ограничиваясь лишь требованіемъ, чтобы захваченные, такимъ образомъ, корабли употреблялись, попрежнему, исключительно для санитарной службы, — гаагская конвенція, руководствуясь возраженіями противъ женеvскаго проекта, представленными еще въ 1868 г. Франціей и Англійей, вовсе не допускаетъ захвата кораблей, хотя бы и военныхъ, но предназначенныхъ напередъ и исключительно для санитарной службы.

Таковы, въ общихъ чертахъ, содержаніе и объемъ осуществленныхъ конференціей мѣръ, въ видахъ упорядоченія и гуманизации войны.

Было бы совершенно излишнимъ доказывать огромное значеніе этихъ мѣръ, если бы и въ печати, и въ обществѣ не высказывалось неоднократно мнѣніе, осуждающее аргюіі всякія, вообще, попытки къ гуманизации войны.

Проф. Мартенсъ цитируетъ американскаго публициста Бичъ-Лауренса, возставшаго въ свое время противъ петербургской конференціи 1868 г., воспретившей, какъ извѣстно, употребленіе разрывныхъ пуль; по мнѣнію этого публициста, война должна быть ужасной для того, чтобы возбудить отвращеніе къ себѣ народовъ и монарховъ ¹⁾). Если и есть какая-нибудь истина, подтвердившаяся на опытѣ, говорить Маколей, то это именно та, что вносить въ войну духъ гуманности и мира есть слабая и въ то же время жестокая политика.

Подобнымъ мнѣніямъ необходимо съ величайшей энергіей дать отпоръ. По существу, ихъ смыслъ таковъ: гуманизация войны, уменьшая и смягчая ея ужасы, примиряетъ съ ней общественное мнѣніе и тѣмъ самымъ увѣковѣчиваетъ войну.

Но въ такомъ случаѣ, вообще, въ борьбѣ съ социальными аномаліями, за неизмѣнимъ или въ ожиданіи радикальныхъ средствъ, необходимо воздержаться отъ примѣненія палліативовъ. Для того, чтобы измѣнить существующій нынѣ капиталистическій строй, необходимо, прежде всего, отказаться отъ фабричнаго законодательства, отъ призрѣнія бѣдныхъ, — вообще, отъ, такъ называемыхъ, социальныхъ реформъ. Пусть богатый и сильный поработочаетъ и уничтожаетъ слабого и нищаго; пусть побѣдитель безпощадно вырѣзываетъ мирное населеніе побѣжденной страны, и лишь тогда, послѣ этого, воцарится социальное равенство и международный миръ.

Нужно ли доказывать, что подобная теорія не только невозможна, но, по самому существу своему, ложна.

Проникая въ область войны, нравственное начало, подобно правовому, не только не увѣковѣчиваетъ войны, но, наоборотъ, дѣйствуетъ на нее разлагающимъ образомъ, способствуетъ совершенному ея упраздненію.

Въ одномъ изъ засѣданій женевской конференціи ея пред-

---

¹⁾ Ф. Мартенсъ. Назв. соч., стр. 82.

сѣдатель Муанье, возражая принципиальнымъ противникамъ гуманизациі войны, справедливо замѣтилъ:

„Я убѣжденъ, что организуя помощь раненымъ, обращаясь къ населенію съ горячими призывами въ ихъ пользу, возбуждая состраданіе къ ихъ несчастіямъ, обнажая въ интересахъ нашего дѣла ужасную дѣйствительность войны, открыто провозглашая, во имя милосердія, то, что политика перѣдко умышленно скрываетъ, мы больше сдѣлаемъ для разоруженія народовъ, чѣмъ тѣ, кто прибѣгаетъ къ экономическимъ аргументамъ или сентиментальной декламациі“¹⁾. И дѣйствительно, развѣ въ настоящее время, когда дѣятельность Краснаго Креста раскрыла предъ нами, во всѣхъ подробностяхъ, ужасное *содержаніе* войны, мы не ближе къ реализациі великой идеи вѣчнаго мира, чѣмъ въ то время, когда народное ликованіе и триумфы побѣдъ не омрачались извѣстіями о *ломѣ* и *бракѣ* войны, о безчисленномъ множествѣ убитыхъ, раненыхъ, больныхъ, пропавшихъ безъ вѣсти и взятыхъ въ плѣнъ?

Развѣ не торжеству гуманности обязаны мы тѣмъ, что современная война ведется между правительствами, а не народами, что мирное населеніе страны не является жертвой необузданнаго наслія и дикихъ страстей?

Развѣ не во имя гуманности общественное мнѣніе все громче и громче требуетъ неприкосновенности частной собственности на морѣ, упраздненія крейсерства, вслѣдъ за каперствомъ, которое уже 25 лѣтъ какъ упразднено?

Конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *гуманная война*—*contradictio in adjecto*. Но социальныя противорѣчія только медленно и постепенно раскрываются и сглаживаются исторіей. Если челоуѣчество будетъ стремиться къ тому, чтобы война стала гуманной,—то раньше или позже война исчезнетъ и будетъ миръ.

V.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что какъ кодификаціей права войны, такъ точно гуманизацией войны гаагская кон-

¹⁾ Moynier et Appia—La guerre et la charité, стр. 134.

ференція сослужила хорошую службу дѣлу междунагоднаго мира. Но главнымъ титуломъ, дающимъ ей право на званіе конференціи мира, является, конечно, третья и можетъ быть наиболѣе важная конвенція— „О миролюбивыхъ способахъ разрѣшенія междунагодныхъ конфликтовъ“.

Для того, чтобы понять значеніе этой конвенціи, необходимо прежде всего установить и выяснитъ ея основную мысль.

Эта мысль заключается въ слѣдующемъ:

Общность матеріальной и духовной культуры связываетъ современные государства въ органически единый междунагодный союзъ. Война, хотя-бы и между двумя государствами, является въ настоящее время всеобщимъ бѣдствіемъ, отъ котораго страдаютъ не только воюющія, но и нейтральные государства. Традиціонное возрѣніе на сущность нейтралитета не соответствуетъ болше измѣнившимся условіямъ междунагодной жизни. Оно выдвигаетъ и подчеркиваетъ одну лишь отрицательную сторону нейтралитета, невмѣшательство нейтральныхъ государствъ въ происходящую на ихъ глазахъ военную распрю. Но на ряду съ такой отрицательной стороной, въ понятіи нейтралитета необходимо отмѣтить другую, не менѣе важную, положительную сторону, — а именно, содѣйствіе всѣми зависящими отъ нейтральныхъ государствъ способами предупрежденію войны и возстановленію мира.

Результаты войны, т. е. содержаніе мирнаго трактата уже давно перестало опредѣляться исключительнымъ усмотрѣніемъ воюющихъ государствъ. Заключеніе мира признается дѣломъ универсальной важности, и послѣднія европейскія войны, — напр., русско-турецкая и греко-турецкая, какъ извѣстно, заканчивались междунагодными конгрессами и конференціями, опредѣлявшими условія мира.

Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что для нейтральныхъ государствъ не только результаты, но уже самый фактъ войны представляется далеко не безразличнымъ. Поэтому необходимо предоставить нейтральнымъ государствамъ право, — и даже болше того, возложить на нихъ, въ интересахъ всего междунагоднаго союза, обязанность способствовать всѣми силами, всѣми средствами, какими они распола-

гаютъ, предупрежденію международныхъ столкновеній, угрожающихъ международному миру. А для этой цѣли необходимо отказаться,—копечпо, въ отношеніи къ вопросамъ международной жизни—отъ принципа невмѣшательства, признаваемого до сихъ поръ аксіомой международнаго права; необходимо признать, что каждое нейтральное государство имѣетъ неотъемлемое право мирнаго вмѣшательства въ международную распрю—конечно не для того, чтобы усилить одну изъ сторонъ или продлить войну, но для того, чтобы положить ей предѣлы. Къ международной жизни принципъ невмѣшательства, по самому существу своему, непримѣнимъ; ибо *каждый* вопросъ, возникающій въ сферѣ международной жизни, касается интересовъ всего, вообще, международнаго союза.

Гаагская конвенція исходитъ изъ признанія *заинтересованности нейтральныхъ государствъ въ поддержаніи мира*. Нейтральныя государства не могутъ не противодѣйствовать войнѣ; конвенція пытается организовать это противодѣйствіе, сдѣлать естественное миролюбіе нейтральныхъ государствъ могучимъ орудіемъ поддержанія мира. Въ этомъ, именно въ этомъ—ея огромное значеніе и чрезвычайный интересъ.

Замѣтимъ, однако, что указанное значеніе конвенціи имѣетъ, такъ сказать, потенциальный характеръ. Оно зависитъ всецѣло отъ степени напряженности миролюбивыхъ стремленій у нейтральныхъ государствъ. Если такія стремленія—и достаточно интенсивныя—имѣются на-лицо, то, воспользовавшись настоящей конвенціей, нейтральныя государства могутъ содѣйствовать рѣшительнымъ образомъ поддержанію мира. Если же такихъ стремленій нѣтъ, то, разумѣется, и конвенція поддержанію мира и предупрежденію войны помочь не можетъ: самое лучшее оружіе ничего не стоитъ въ безсильныхъ и лѣннихъ рукахъ. Но такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что миролюбивыя тенденціи европейскихъ государствъ безостановочно прогрессируютъ, то, равнымъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что значеніе разсматриваемой конвенціи будетъ непрерывно расти.

Три способа миролюбиваго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ предлагаетъ конвенція:

во-1-хъ, посредничество и добрыя услуги;

во-2-хъ, международныя слѣдственные коммисіи,

и, въ-3-хъ, третейскій судъ.

Основная мысль конвенціи, только-что нами охарактеризованная, сказывается наиболѣе ярко въ новой конструкціи посредничества, предлагаемой ею.

Какъ извѣстно, парижская конференція 1856 г. и берлинская 1885 г. касались уже вопроса о посредничествѣ и добрыхъ услугахъ; въ актахъ этихъ конференцій обращеніе къ посредничеству нейтральныхъ государствъ разсматривается, какъ *обязанность* государствъ, находящихся въ конфликтѣ; наоборотъ, въ нихъ не упоминается вовсе о предложеніи посредничества, *по собственной инициативѣ* нейтральными государствами. Исторія международныхъ отношеній со временъ парижскаго конгресса 1856 г. неопровержимо доказываетъ, что посредничество, какъ оно понимается дѣйствующими договорами, является институтомъ, практически мало осуществимымъ. За послѣдніе 40 лѣтъ неоднократно бывали случаи, когда нейтральныя государства *предлагали* свое посредничество, но не было *ни одного случая*, когда бы непосредственно заинтересованныя государства *обратились за посредничествомъ* къ нейтральнымъ.

Да оно и понятно. Обращеніе къ посредничеству необходимо предполагаетъ, прежде всего, наличность соглашенія какъ относительно самаго факта посредничества, такъ точно и относительно выбора общаго довѣреннаго лица, посредника. Между тѣмъ взаимное раздраженіе, подозрительность и вражда между заинтересованными государствами, вызываемая столкновениемъ противоположныхъ интересовъ, почти въ такой же мѣрѣ затрудняютъ соглашеніе по вопросу о посредничествѣ, какъ и всякое другое соглашеніе по самому существу возникшихъ недоразумѣній. По общему правилу, ни одно изъ правительствъ, находящихся въ конфликтѣ, изъ-за національной гордости или боязни предъ парламентомъ, не рѣшится взять на себя инициативу въ предложеніи

посредничества, тѣмъ болѣе, что такая инициатива, истолкованная въ смыслѣ недоувѣрія къ собственнымъ силамъ, могла бы только увеличить притязательную настойчивость противной стороны.

Любопытной иллюстраціей къ сказанному можетъ послужить недавній англо-французскій конфликтъ изъ-за Фашоды. Согласно берлинскому акту 1885 г., по вопросамъ, касающимся африканскихъ владѣній, обращеніе къ посредничеству для державъ обязательно; между тѣмъ, какъ извѣстно, Франція не рѣшилась предложить Англии такое обращеніе къ посредничеству, хотя для самой Франціи оно могло бы, пожалуй, оказаться полезнымъ.

Во всякомъ случаѣ объ обязательности для заинтересованныхъ государствъ обращенія къ посредничеству—не можетъ быть и рѣчи; ибо договоры не могутъ обязать государства, во что бы то ни стало, прійти къ соглашенію, остановить свой выборъ на одномъ и томъ же посредникѣ ¹⁾.

Исходя, повидимому, изъ этихъ соображеній, конвенція признаетъ желательнымъ и необходимымъ не только *обращеніе къ посредничеству* воюющихъ государствъ, но также *предложеніе посредничества* государствами нейтральными.

Согласно ст. 3, договаривающіяся державы считаютъ полезнымъ, чтобы одна или нѣсколько незаинтересованныхъ державъ предлагали по собственной инициативѣ, поскольку это допускается обстоятельствами, свои добрыя услуги или посредничество государствамъ, между которыми возникаетъ конфликтъ. *Право* предлагать добрыя услуги или посредничество принадлежитъ нейтральнымъ государствамъ даже послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Осуществленіе этого *права* не можетъ быть никогда разсматриваемо спорящими сторонами, какъ недружелюбный актъ.

Значеніе приведенной статьи очевидно. До сихъ поръ нейтральныя государства не всегда считали себя уполномо-

¹⁾ Des camps—Rapport à la conférence sur la convention pour le règlement pacifique des conflits internationaux. Annexes. A. Documents émanés de la Délégation russe, pp. 64 et suiv.

ченными предлагать свое посредничество государствамъ, находящимся въ конфликтѣ; съ другой стороны, послѣднія всегда имѣли возможность, опираясь на принципъ невмѣшательства, отвергнуть съ самаго начала сдѣланное имъ предложеніе. Въ настоящее время посредничество, предлагаемое *по праву* нейтральными государствами, оставаясь, конечно совѣтомъ, а не приказаніемъ, можетъ однако—въ особенности, если оно имѣетъ коллективный характеръ—послужить дѣйствительнымъ и полезнымъ средствомъ къ предупрежденію войны. Вступая въ войну, въ настоящее время каждому государству необходимо знать отношеніе къ конфликту нейтральныхъ державъ, необходимо разсчитать и взвѣсить не только то сопротивление, которое окажетъ врагъ во время войны, но и то, которое окажутъ нейтральныя державы при заключеніи мира. Познакомившись съ отношеніемъ къ конфликту посредниковъ, заинтересованныя государства, быть можетъ, предпочтутъ предлагаемый компромиссъ невѣрнымъ шансамъ войны, изъ которой даже въ случаѣ побѣды окажется невозможнымъ извлечь всѣхъ ожидаемыхъ выгодъ.

Вторымъ способомъ миролюбиваго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ являются, по конвенціи, международныя слѣдственныя комиссіи.

Мысль о международныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ какъ *нормальномъ* средствѣ разрѣшенія международныхъ конфликтовъ нова; вмѣстѣ съ тѣмъ, эта мысль, по глубокому нашему убѣжденію, въ высшей степени благотворна и важна.

Всѣмъ извѣстно, какъ часто непосредственной причиной международныхъ конфликтовъ является противорѣчіе въ субъективномъ пониманіи и субъективной оцѣнкѣ заинтересованными правительствами того или иного объективнаго факта международной жизни; всѣмъ извѣстно, какъ часто отсутствіе безпристрастія и неизбѣжная односторонность правительствъ дѣлаютъ невозможнымъ соглашеніе между ними по такимъ вопросамъ, по которымъ, казалось бы, самый споръ невозможенъ. Преслѣдуя эгоистическія, своскорыстныя цѣли

правительства черѣдко эксплуатируютъ въ свою пользу отсутствіе въ международной жизни необходимыхъ органовъ для официальнаго и *безспорнаго установленія* событій и фактовъ.

Безпристрастное *среднее* мнѣніе слѣдственной комисіи, по своему составу и организаціи ничѣмъ не отличающейся отъ третейскаго суда (ст. 11), констатируя фактъ, тѣмъ самымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ окажется разрѣшеніемъ конфликта.

Необходимо замѣтить, что, по конвенціи, назначеніе слѣдственной комисіи отнюдь не является юридической обязанностью для спорящихъ государствъ; наоборотъ, имѣи въ виду совершенную новизну института, конвенція обставляетъ его примѣненіе цѣлымъ рядомъ оговорокъ и условій, обеспечивающихъ широкій просторъ усмотрѣнію непосредственно заинтересованныхъ государствъ. Стѣдуетъ, однако, думать, что несмотря на отсутствіе какой бы то ни было обязательности, заинтересованнымъ государствамъ въ соответственныхъ случаяхъ *de facto* трудно будетъ уклониться отъ обращенія къ разсматриваемому институту, тѣмъ болѣе, что слѣдственная комисіи, не постановляя никакихъ рѣшеній, ограничивается лишь *установленіемъ факта*, такъ что ссылка на суверенитетъ, на высшіе интересы, или національную честь должна оказаться въ этомъ случаѣ, до очевидности, невозможной. При возникновеніи международнаго конфликта общественное мнѣніе какъ заинтересованныхъ, такъ и нейтральныхъ государствъ всегда, конечно, рѣшитъ, что справедливость и право на сторонѣ государства, которое предлагаетъ назначеніе слѣдственной комисіи, и противъ государства, которое подъ различными предлогами уклоняется отъ него ¹⁾).

Большая часть конвенціи посвящена вопросу о третейскомъ судѣ.

Институтъ международнаго арбитража задуманъ былъ въ первоначальномъ русскомъ проектѣ гораздо шире, чѣмъ, въ дѣйствительности, онъ осуществленъ конвенціей. Такъ, кон-

¹⁾ См. мою статью въ „Правѣ“ (іюль 1899 г.).

ференціей, къ сожалѣнію, не принять предложенный русскимъ проектомъ принципъ *ограниченной* или *частичной обязательности* арбитража. Принципъ этотъ заключается въ томъ, что въ опредѣленныхъ случаяхъ—а именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда конфликтъ, не поддающійся дипломатическому разрѣшенію, возникаетъ по поводу указанныхъ въ самой конвенціи вопросовъ, имѣющихъ *юридическій*, а не *политическій* характеръ—обращеніе къ третейскому суду признается *обязательнымъ* для договаривающихся державъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ третейское разбирательство остается факультативнымъ и зависитъ отъ усмотрѣнія заинтересованныхъ сторонъ.

Согласно ст. 9 русскаго проекта, договаривающіяся державы принимаютъ на себя обязательство передавать на рѣшеніе третейскаго суда всѣ, вообще, недоразумѣнія и споры, возникающіе между ними, поскольку они не касаются ни жизненныхъ интересовъ, ни національной чести государствъ въ нижеслѣдующихъ случаяхъ:

I. Въ случаѣ возникновенія между государствами недоразумѣній и споровъ по вопросу о денежномъ вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные государству или его подданнымъ неправильными дѣйствіями другаго государства или его подданныхъ.

II. Въ случаѣ разногласій по вопросу о примѣненіи и толкованіи нижеслѣдующихъ трактатовъ:

1) Почтовыхъ, телеграфныхъ, желѣзнодорожныхъ трактатовъ; трактатовъ объ охранѣ подводныхъ кабелей; правилъ для предупрежденія столкновеній между судами въ открытомъ морѣ; конвенцій о плаваніи по международнымъ рѣкамъ и океаническимъ проливамъ.

2) Конвенцій по охранѣ литературной, художественной и музыкальной собственности; конвенцій объ охранѣ собственности промышленной; метрическихъ и монетныхъ конвенцій; конвенцій санитарныхъ, ветеринарныхъ и для борьбы съ филоксерой.

3) Конвенцій о наслѣдствахъ, о выдачѣ преступниковъ, о взаимномъ содѣйствіи государствъ при отправленіи правосудія.

4) Демаркаціонныхъ трактатовъ, поскольку они имѣютъ исключительно техническій, а не юридическій характеръ.

Конечно, тѣ случаи, на которые русскимъ проектомъ предполагалось распространить обязательность арбитража, имѣютъ лишь второстепенное политическое значеніе; тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что этотъ принципъ, по настоячивому требованію Германіи, вовсе былъ отвергнутъ конференціей.

Обязательность третейскаго разбирательства, хотя-бы и включенная въ самыя тѣсныя предѣлы, укрѣпила бы правовыя начала въ международной жизни, обезпечила бы отъ посягательствъ и нарушеній,—такъ сказать, *нейтрализовала бы* болѣе или менѣе обширную область международнаго права. Для отдѣльныхъ государствъ обязательный арбитражъ явился бы удобнымъ средствомъ къ устраненію многочисленныхъ, стѣснительныхъ, хотя и несерьезныхъ недоразумѣній, перѣдко затрудняющихъ, безъ всякой необходимости, дипломатическія сношенія государствъ. Благодаря обязательному арбитражу, государству легче было бы осуществить свое справедливое притязаніе и, что еще важнѣе, легче было бы отказаться отъ притязанія несправедливаго. Поддержанію международнаго мира обязательный арбитражъ оказалъ бы неоцѣнимую услугу. Конечно, тѣ второстепенные, по существу, вопросы, къ которымъ исключительно примѣнимъ обязательный арбитражъ, рѣдко являются непосредственной причиною войны. Тѣмъ не менѣе, частые конфликты между государствами, хотя-бы по поводу вопросовъ второстепеннаго значенія, не угрожая непосредственно миру, разстраиваютъ, однако, добрыя отношенія между государствами, создаютъ атмосферу недоувѣрія и вражды, въ которой легче отъ случайной искры вспыхнуть и разгорѣться огню. Обязательный арбитражъ, снимая съ заинтересованныхъ государствъ всякую отвѣтственность за то или иное рѣшеніе спорнаго между ними вопроса, тѣмъ самымъ способствовалъ бы поддержанію дружественныхъ отношеній между государствами, въ значительной степени облегчающихъ миролюбивое разрѣшеніе всякихъ, хотя-бы и самыхъ серьезныхъ вопросовъ ¹⁾.

¹⁾ Descamps. Rapport etc. Annexes I, pp. 67 et suiv.

Отвергнувъ принципъ обязательности арбитража, конференція включила, однако, въ проектъ новую статью, представляющую, въ политическомъ отношеніи, выдающійся интересъ.

Статья эта (27) возлагаетъ на нейтральныя государства обязанность содѣйствовать путемъ представленій и добрыхъ услугъ, предлагаемыхъ заинтересованнымъ государствамъ, разрѣшенію международныхъ конфликтовъ путемъ третейскаго разбирательства.

Съ юридической точки зрѣнія, приведенная статья, является до нѣкоторой степени безсодержательной: она какъ бы повторяетъ вышеуказанныя постановленія о посредничествѣ и добрыхъ услугахъ; тѣмъ не менѣе, практическое ея значеніе можетъ оказаться несомнѣннымъ.

Совѣтъ нейтральныхъ державъ, въ особенности, если онъ коллективенъ или исходитъ отъ великой державы, обладаетъ *de facto* весьма и весьма серьезнымъ авторитетомъ; не всегда имъ можно безнаказанно пренебречь. Поэтому, чѣмъ глубже идеи международной юстиціи проникнуть въ сознаніе цивилизованныхъ народовъ, чѣмъ настоятельнѣе они будутъ „совѣтовать“ обращеніе къ третейскому суду, тѣмъ чаще международные конфликты будутъ разрѣшаться правомѣрнымъ и мирнымъ путемъ.

Важнѣйшимъ нововведеніемъ разсматриваемой конвенціи является, конечно, учрежденіе *постояннаго международного суда*.

Въ общихъ чертахъ организація этого суда заключается въ слѣдующемъ:

Каждая изъ договаривающихся державъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по ратификаціи настоящаго акта, избираетъ, срокомъ на шесть лѣтъ изъ числа лицъ, вполне компетентныхъ и безупречныхъ въ нравственномъ отношеніи, четырехъ членовъ международного суда. Избранныя такимъ образомъ лица вносятся въ общій списокъ, который сообщается всѣмъ договаривающимся государствамъ (ст. 23).

Договаривающіяся державы, согласившись обратиться къ постоянному суду для разрѣшенія возникшаго между ними несогласія, избираютъ арбитровъ, призванныхъ образовать

спеціальное присутствіе для разсмотрѣнія даннаго дѣла, изъ числа членовъ междунагоднаго суда, внесенныхъ въ вышеупомянутый списокъ.

Кромѣ междунагоднаго суда, согласно ст. 22, въ Гаагѣ учреждается постоянное междунагодное бюро арбитража, предназначенное служить секретаріатомъ суду. Бюро является посредствующей инстанціей для всѣхъ сообщеній, касающихся созыва суда; оно хранитъ архивы его и ведетъ всѣ хозяйственныя его дѣла. Договаривающіяся державы обязаны сообщать междунагодному бюро всѣ новыя факты и свѣдѣнія, касающіеся междунагоднаго арбитража. По общему правилу, судъ засѣдаетъ въ помѣщеніи бюро. Бюро находится въ завѣдываніи и подъ надзоромъ постояннаго административнаго совѣта, состоящаго изъ дипломатическихъ представителей договаривающихся державъ, аккредитованныхъ при гаагскомъ дворѣ, и нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, исполняющаго обязанности президента (ст. 28).

Конечно охарактеризованная только-что организація междунагоднаго суда представляется во многихъ отношеніяхъ несовершенной. Въ сущности то, что конвенція называетъ постояннымъ междунагоднымъ судомъ, является только зародышемъ этого института. Постояннымъ является не самый судъ, а только бюро его; судъ образуется *ad hoc* для каждаго дѣла непосредственно заинтересованными въ немъ сторонами.

Необходимо замѣтить, что организація постояннаго суда, предложенная конференціи русской делегаціей, несмотря на все свое несовершенство, представляла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительныя преимущества по сравненію съ англійскимъ проектомъ, принятымъ конференціей,—съ тѣми, впрочемъ, измѣненіями, которыя были въ него внесены русской делегаціей. По русскому проекту, предполагалось рѣшающее вліяніе на образованіе третейскаго суда предоставить *нейтральнымъ*, а не *заинтересованнымъ* государствамъ. Проектъ предлагалъ конференціи избрать *на время до созыва новой конференціи* пять державъ ¹⁾ съ

¹⁾ Предполагалось, что избраны будутъ державы второстепенныя, не принимающія участія въ „вышей“ междунагодной политикѣ.

тѣмъ, чтобы каждая изъ нихъ, въ случаѣ обращенія ка-кихъ-либо государствъ къ третейскому суду, избирала од-ного изъ судей, образующихъ въ совокупности трибу-наль, компетентный для разрѣшенія даннаго дѣла. Если бы оказалось, что непосредственно заинтересованныя госу-дарства не принадлежать къ числу державъ, избирающихъ судей, то каждое изъ нихъ имѣло бы право, кромѣ того, избрать отъ себя по одному судѣ, пользующемуся такими же правами, какъ прочіе члены трибунала. Трибуналь изъ числа своихъ членовъ избирать президента, имѣющаго, въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, рѣшающій голосъ¹⁾. Что же касается бюро арбитража, то какъ по русскому, такъ и по англійскому проекту, его организація совершенно одинакова. Любопытно отмѣтить, что въ основаніи вышеиз-ложеннаго русскаго проекта лежитъ мысль о *необходимости периодическаго созыва конференцій міра*.

Во всякомъ случаѣ, какого бы мнѣнія ни держаться по вопросу объ организаціи постояннаго международнаго суда, не слѣдуетъ забывать, что конференціи предстояло лишь положить начало медленной и постепенной эволюціи слож-наго соціальнаго института,—эволюціи, которая, конечно, потребуеъ не мало времени для окончательнаго своего за-вершенія. Не слѣдуетъ забывать, что еще недавно —еще годъ тому назадъ—учрежденіе постояннаго международнаго суда всѣми „серьезными“ политиками считалось почти такой же утопіей, какъ, напримѣръ, учрежденіе международнаго пар-ламента. О постоянномъ судѣ разсуждали идеалисты въ об-ществахъ міра; въ практической политикѣ идеѣ о такомъ судѣ не было и не могло быть мѣста.

Пусть современный международный судъ только зародышъ настоящаго суда, но если для возникновенія зародыша тре-буется приходящій извнѣ творческій актъ, то дальнѣйшее его развитіе совершается дѣйствіемъ имманентныхъ ему жизнен-ныхъ силъ.

¹⁾ Des camps. Rapport à la conférence, p. 73: „Propositions russes concer-nant le Tribunal d'arbitrage“. Appendice A, §§ 1—4.

Учрежденіемъ постояннаго международнаго суда созданъ яркій центръ, къ которому всегда будутъ обращены упованія народовъ, изнемогающихъ, въ ожиданіи войны, подъ бременемъ вооруженнаго мира.

VI.

Оцѣнивая историческое событіе, слѣдуетъ всегда принимать во вниманіе не только интенсивность, но и продолжительность воздѣйствія его на общественную жизнь. Чѣмъ кратковременнѣе это воздѣйствіе, тѣмъ оно интенсивнѣе: злоба дня наполняетъ собою день. И наоборотъ, историческое событіе, вліяніе котораго постепенно сказывается въ теченіе столѣтій,—событіе, медленно и незамѣтно преобразующее историческую жизнь, рѣдко накладываетъ замѣтный отпечатокъ на сегодняшній день, рѣдко проявляетъ свое могущество въ непосредственныхъ,—видимыхъ и осязаемыхъ результатахъ.

Вотъ почему современникамъ такъ трудно понять и оцѣнить совершающіяся на ихъ глазахъ крупныя историческія событія, результаты которыхъ, не поддающіеся учету, скажутся въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Конечно, что можетъ быть понятнѣе нетерпѣнія эфемериды? Но не съ точки зрѣнія эфемериды-человѣка слѣдуетъ оцѣнивать такія историческія событія, какъ гаагская конференція, а съ точки зрѣнія человѣчества, которое вѣчно живетъ, вѣчно борется и страдаетъ, вѣчно стремится къ новымъ и лучшимъ берегамъ.

Спустя много, много лѣтъ, когда все то, что намъ кажется теперь такимъ значительнымъ и важнымъ, забудется, отзвучитъ и сотрется безъ слѣда, новое человѣчество сохранитъ о конференціи мира благодарную память. Смѣлая попытка человѣческаго духа приблизиться къ осуществленію далекаго идеала вѣчнаго мира, эта конференція останется навсегда въ анналахъ исторіи однимъ изъ лучшихъ, однимъ изъ свѣтлыхъ памятниковъ XIX вѣка. И подобно тому, какъ горы, укутываясь въ туманъ, по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, кажутся величественнѣе и огромнѣе, такъ точно величествен-

наслажденіе, когда я вижу открывающіеся предо мною новыя горизонты человѣческаго блага, когда я могу устремить свои взоры въ чистую лазурь грядущихъ временъ“.

И эти слова можетъ повторить все живущее нынѣ поколѣніе, уступая мѣсто подрастающему поколѣнію, полное свѣжихъ и непочатыхъ силъ; ихъ можетъ повторить умирающей XIX вѣкъ, передавая начатое имъ дѣло новому XX вѣку, — вѣку нашихъ дѣтей.

СПббгу